

ИЛЬЯС НАЙМАНОВ

**СТРАЖ
МОНОЛИТА**

2

16+

Страж Монолита

Ильяс Найманов

**Страж Монолита 2.
Фантастический роман**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Найманов И.

Страж Монолита 2. Фантастический роман / И. Найманов —
«ЛитРес: Самиздат», 2012 — (Страж Монолита)

Зона отчуждения ЧАЭС. На какие шаги готово человечество, чтобы завладеть дарами и возможностями, которые дает Зона? Какие силы позволяют этому аномальному участку Земли противостоять всему миру, оставаясь секретным и непознанным? Множество попыток делалось из Большой Земли, но теперь в игру вступили ранее стоявшие за кулисами основные игроки. В Зону идут танки. Сталкер Бобр, заручившись поддержкой Лесника и используя мутантов, встречает незваных гостей.

Содержание

Пролог	5
1. Дойти до Янтаря	8
2. Назад в Рыжий Лес	12
3. Черная клетка	21
4. Пещера разбойников	28
5. Дерзость	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

- Здравствуйте, Первый.
- Здравствуйте, Четвертый.
- Ну что, какие новости?
- Внедрение успешно завершено – бойцы в отрядах Долга, прошли местную акклиматизацию и обучение.
- Как долго они уже в Зоне?
- От шести месяцев до года.
- Хорошо, хорошо... Мы поддерживаем с ними связь? Не проявилась ли у кого-нибудь потеря мотивации за период?
- Связь поддерживаем. Мотивация на очень высоком уровне. Это элита, сэр.
- Знаю что элита, но они в Зоне... Хорошо. Ситуация по военным кругам?
- Теперь я могу заявить, что мы заинтересовали основные военные и правительственные чины в соблюдении и преследовании наших интересов.
- В итоге во сколько это обошлось?
- Несколько островов в Тихом океане и шестьсот пятьдесят миллионов для основных и второстепенных лиц в сумме.
- Ну, не такая уж и большая цена. Хотя для этих болванов это слишком много. Хорошо, Четвертый, как скоро мы начнем операцию?
- Ориентировочно через месяц.
- Еще месяц? Вы знаете, что Зона может родить еще несколько видов артефактов, которые нанесут нам ущерб гораздо больший, чем те суммы, которые мы потратили на подготовку к операции?
- Да, Первый, мы не можем опередить некоторые события или повлиять на них без того, чтобы не привлечь внимание общественности.
- В это время на интеркоме загорелась лампочка. Первый прочитал надпись и нажал кнопку.
- Сейчас зайдет Второй.
- Четвертый вопросительно взглянул на Первого.
- Мне уйти?
- Нет, останьтесь. Вам не помешает узнать последние события.
- Зашел Второй. Одутловатый лысеющий человек средних лет, в костюме и с плоским коричневым портфелем в руке.
- Здравствуйте, Первый, – он пожал руку первому, затем четвертому.
- Ну, какие новости?
- Первый, скоро Вы отрубите мне голову – в последнее время я приношу только плохие новости.
- К сожалению, это не повлияет на ситуацию. Рассказывайте, рассказывайте все. Четвертый должен быть в курсе, о каком масштабе идет речь.
- Второй вздохнул.
- Противники оснастили свои луноходы солнечными элементами на основе артефакта «слюда», кроме того, их аккумуляторы работают в паре с артефактом «батарейка». Теперь их луноходы нашли и демонтируют наши стратегические станции на Луне. Мы ничем не можем помешать. Последний наш оборонительный луноход «Криптон-9» двенадцать часов назад выведен из строя.
- Первый тяжело вздохнул и налил себе воды. Хрустальный глобус на его столе закачался.

– Как? Их луноходы проходили согласование с нашей комиссией. На них нет и не может быть вооружения. Единственное, что на них есть, – это манипулятор для сбора образцов, – сказал Первый, устало садясь в кресло.

– Мы не знаем, как, похоже, они просто закопали наш «Криптон», – ответил Второй. – С их новой системой энергопитания и распределения они просто перебежали наш оборонительный комплекс. Он растратил весь энергозапас. Единственное, что он смог, – это вывести из строя два их «СПАСа», затем они просто удерживали его на месте, пока другие копали под ним яму. Первый, они закопали его на несколько метров, мы не сможем найти его.

– Вы слышали, Четвертый? – спросил Первый. – Эти чертовы засранцы долбят нас уже на Луне! Вы знаете, что они сделали со своими подлодками? Вы знаете, что они сделали со своими самолетами и танками? Черт побери, да мы действительно скоро станем верить, что наши пакты и соглашения обязаны защитить нас.

Первый постепенно выходил из себя.

– Вы слышали, Четвертый? Сколько человек мы потеряли в Зоне?

– Э-э-э... Сорок четыре, – сжавшись, словно в ожидании удара, ответил Четвертый.

– Вы слышали, Второй? – в гневе спросил Первый. – Сорок четыре элитных бойца! Эта чертова Зона – самая большая заноза в моей заднице за все время! Во сколько раз увеличился технический и научный потенциал противника со времени появления Зоны?

– По нашим подсчетам... Более чем в десять раз, – ответил Второй.

– Сколько компаний выкупают технологии, который противник уже считает устаревшими? – брызгая слюной, наседал Первый.

– Больше семидесяти процентов, семьдесят пять. В том числе и некоторые наши отрасли, – ответил Второй.

– Вы слышали, Четвертый? Черт возьми, наши люди, посланные добаться до Монолита, либо пропадают без вести в этой Зоне, либо сходят с ума, и мы находим их прыгающими в противогазах и жрущими пададь, либо они просто теряют мотивацию и отказываются с нами работать, и мы вынуждены тратить еще большие деньги, чтобы найти их и устранить на этом чертовом клочке земли! – заорал Первый, ударив кулаком по столу.

Затем с большим усилием заставил себя дышать спокойнее и, выпив воды, продолжил.

– Я понимаю, мы не можем заставить работать всех торговцев на нас, потому что их спецслужбы жестко следят за этим. Я могу понять, что каждый шарящийся там сталкер без знаний и образования находится у них на учете. Наши агенты в спецслужбах противника не зафиксировали ни одного провала из наших агентов, внедренных в среду сталкеров, но... Черт, наши самые лучшие и подготовленные агенты погибают в элементарных перестрелках с местными бандитами или с местными мутантами практически возле периметра! Кто-нибудь может мне объяснить, почему? – бессильно воскликнул Первый.

Его рука начала приглаживать приподнявшиеся волосы на затылке. Воцарилась тишина, в которой было слышно лишь судорожное, гневное дыхание Первого.

– Второй, за сколько продают сталкеры артефакты низшего класса своим торговцам? – усталым голосом спросил Первый.

– В среднем артефакт низшего класса на внутреннем рынке стоит от пятисот до двух тысяч долларов.

– А теперь напомните, за сколько официально мы можем приобрести этот артефакт у России или Украины?

– Где-то за двести тысяч долларов, – ответил Второй.

– И сколько нам продали уже? – спросил Первый.

– Триста тридцать артефактов низшего класса, пятьдесят – среднего и один — высшего, – ответил Второй.

– Во сколько нам обошелся артефакт высшего класса? – спросил Первый, глядя на Четвертого и указывая пальцем правой руки на Второго.

– Артефакт высшего класса «пузырь» обошелся нам в полтора миллиарда долларов.

– Вы слышали, Четвертый? Вы слышали? Сколько мы должны платить за эти побрякушки? А наша агентура не в силах добывать артефакты для нас, в то время как их пьяницы и забулдыги таскают их десятками!

– Второй, сколько артефактов было добыто всего в прошлом году?

– Официально сорок три высшего класса, двести пятьдесят – среднего и тысяча сто – низшего. Неофициально: в три-четыре раза больше, но это все оседает в научных и военных лабораториях и институтах, – ответил Второй.

Он целыми сутками обрабатывал информацию, и такие цифры всегда держались у него в голове.

– Четвертый, – медленно и с чувством сказал Первый, – я прошу, нет, я требую, чтобы вы в максимально сжатые сроки уничтожили Монолит. Я хочу, чтобы этот чертов кусок планеты навсегда перестал приносить свои плоды нашим... нашим... Теперь, черт возьми, я не знаю, как их назвать. Если мы не можем получить эти плоды сами, то срубите это дерево, закатайте, сожгите что угодно и как угодно. С такими темпами, Четвертый, они скоро подомнут под себя весь мир, и мы со всей нашей мощью и подготовкой будем динозаврами. Ясно?

– Так точно! – вскочил и по-военному вытянулся Четвертый.

– Что-нибудь еще, Второй? Зачем вы приходили? – спросил Первый.

– Есть еще одна новость. Противник забросил на свою станцию на Луне несколько тонн гумуса под выращенные в пробирках адаптированные растения. Теперь они при помощи местного грунта могут создавать десятки тонн плодородной земли и создавать на своей станции природный кислород, и... Вы понимаете, они смогут заселять свой персонал.

– Но как они смогли увезти столько груза без нашего ведома? – спросил растерянно Первый. – Ведь наша комиссия проверяла весь полезный груз.

– Они провезли его вместе с технической оснасткой. Весы пропустили: перевеса не оказалось. Они использовали разогнанные сборочные артефакты на основе «золотых рыбок», много «золотых рыбок», – тихо ответил Второй. – По-моему, скоро они вообще начнут нас игнорировать.

1. Дойти до Янтаря

До замерзающего под проливным дождем ученого Бобр, несмотря на всю возможную скорость, добрался только к рассвету. Ученый сидел, обхватив себя за колени, стуча зубами от холода и вжавшись в камень. Переодевшись под дождем в принесенный сталкером комбинезон «Сева», Валера, стуча зубами и не морщась, ополовинил фляжку с разведенным спиртом, которую заботливо предложил ему сталкер. Выдохнув, задраил забрало комбинезона, отчего стекло изнутри запотело и, несмотря на усиленно заработавшие встроенные системы вентиляции, еще долго отказывалось очищаться.

– Готов? – устало спросил ученого сталкер.

– Готов, – почти перестав трястись от озноба, ответил тот. – А что с этими? – спросил он, имея в виду ушедших вслед за сталкером и не вернувшихся бандитов.

– С этими? С этими все. Только один остался, но и тот уже не бандит, – поворачиваясь спиной к товарищу и сверяя направление с ПДА, ответил сталкер, чувствуя как притороченный к поясу артефакт «снежинка» ослабевает, а вместе с этим начинают проступать легкие, пока еще только намеки на горящие в ногах от долгого перехода, почти бега, мышцы да накачивает пока еще не заявившая во весь голос о себе жажда. – Пошли потихоньку, идти далеко.

– Идемте, Бобр, как я рад Вас... тебя видеть. А что с тем одним оставшимся? – спросил по внутренней связи ученый.

– Снорк он теперь, Валер. И не спрашивай, как так получилось, не смогу объяснить. Вон он, погляди, – сказал сталкер, не поворачиваясь лицом к ученому и указывая рукой в сторону.

Приглядевшись, ученый различил сквозь пелену дождя фигуру сидящего на четвереньках человекообразного ссутулившегося создания в насквозь промокшем бандитском прикиде с противогазом на голове. Уродливость формы головы внушала недоумение.

– Бобр, а что это у него с головой? – косясь на мутанта, спросил растерявшийся и удивленный ученый.

– Ты знаешь, боюсь, что за последнее время я не видел ни одного человека, у которого все было бы в порядке с головой, – неожиданно для себя задумчиво сказал сталкер. – А, ты про это? Это у него фонарик под противогазом, он его так надел, прям поверх.

– А что ж не снял?

– Не до этого, видать, было, – отстраненно ответил сталкер. – Ну все, наука, ходу. Мне тебя еще Сахарову вернуть надо, у нас договор. Чувствую, «снежинка» устала, ей теперь бы несколько дней полежать, подзарядиться, а то перегорит... Ну посмотрим, пусть повисит еще.

Наука вздохнула и, пошатываясь, побрела вслед за сталкером, подсвечивая фонариком его рюкзак. Снорк неслышной и практически невидимой тенью следовал за ними чуть в стороне и позади.

Вся оставшаяся дорога до Янтаря заняла три дня и, несмотря на хороший отдых в долговском схроне, оказалась изматывающей и долгой из-за проливных дождей. Образовавшаяся грязь налипала глиняными кандалами на ноги комбинезона, заставляла поскальзываться и тратить силы. Стена дождя скрывала ориентиры и приметные места, вынуждая сталкеров идти, постоянно отклоняясь от маршрута, заходить в труднопроходимые места, терять силы и время. Отряд из двух человек, движущихся с настойчивостью зомби, спотыкаясь и падая, не разговаривая и не позволяя себе задерживаться нигде более чем на полчаса, упрямо шел под проливным дождем. Поддерживающая сталкера и ученого, передаваемая поочередно «снежинка», отдавая себя, уже не искрилась невозможно холодным синим светом, а больше напоминала речной сизый гольши, честно отработав на людей, давая им силы успеть на Янтарь до Выброса. Через три дня перехода утром, в предрассветных сумерках, сталкеры выбрались под свет проекторов на Янтарь.

Вернувшихся встретили заботливые руки должовцев и врачей Янтаря. Обоих сразу поместили под карантин под неусыпный контроль высокообразованной братии. Их отправили в специальную, предусмотренную для таких случаев комнату, где персонал, вернувшийся из Зоны в измененном, недостоверном на все сто процентов состоянии, оставался до восстановления или перевода в исследовательский комплекс. Кроме крайней усталости, физического и нервного истощения у Егора никаких болезней найдено не было, и спустя три дня сталкера перевели из карантина на общее положение. У Валерия же обнаружилось серьезное нарушение сна, и его после выписки из карантина быстро, даже не дав попрощаться со сталкером, посадили на вертолет и отправили на Большую землю для реабилитации после последствий Зоны в специальный центр, где работают специалисты, имеющие представление об аномальной территории, огороженной бетонными заборами, вышками, пулеметчиками. Оказывается, уже есть и такой.

Бобра рассчитали по полной, в приемном окне рыжий красавец в белом халате выдал под роспись его премиальные сто штук, на которые сталкер долгое время тупо пялился, соображая, что делать. Чужим он здесь уже не был, но и потребности в нем не наблюдалось. Егор чувствовал себя чемоданом без ручки, который находится не в то время не в том месте. Сахаров, как назло, отсутствовал в бункере, срочно отбыв на Большую землю почти в тот же день, как были расшифрованы данные аквамаринового самописца. Кроме того, или какое-то распоряжение пришло сверху, или что-то еще случилось, но внутреннюю охрану усилили в два раза. То есть если в прошлый раз дежурили в коридорах по одному шкафу в полном бронепакете и полном вооружении, то теперь и без того тесные проходы бункера иногда заслоняли два здоровенных детины, не вступавшие ни в какие переговоры, сурово сверлившие глазами шатавшегося, одетого в гражданское, похудевшего сталкера Бобра.

Долговцы, казалось, игнорировали его, да и ему самому совершенно не хотелось с ним разговаривать. Бобр просто не мог сразу понять иногда задаваемые ему вопросы, словно его спрашивали на чужом языке. Интонационно он вроде понимал, как его спрашивают, но спустя несколько секунд, как только он понимал, что именно его спросили, всякий интерес к несостоявшемуся собеседнику пропадал, и сталкер либо отмалчивался, либо невпопад кивал головой или вымученно улыбался. Через пару дней таких бесцельных блужданий внутри бункера от вечно занятых и пугавшихся его ученых, которые с его приходом и получением аквамаринового самописца, казалось, забегали по коридорам в два раза быстрее, а самое главное, отсутствием хоть какой-то информации о состоянии Валерия, его уже стало тошнить от серых стен, от этого стерильного воздуха, да и от себя самого. Он решил уходить с безопасного островка ранее, как он думал, надежды, а теперь просто чуждого и выталкивающего его места. А еще сталкеру с того момента, как он пошел на поправку, начал сниться один сон. Точнее, снов было множество, обычных сталкерских сновидений, от которых одни просыпаются с криком, другие – в холодном поту, а третьи – со слезами на глазах, но это был особенный, другой.

Егору снилось, что он идет в незнакомом ему сталкерском комбинезоне в Пустынные Земли, в сторону Рыжего Леса. Идет спокойно и осторожно, как и свойственно ценящему свою жизнь человеку, вовремя обходя аномалии и занятых своими делами мутантов, но вот наступает вечер, и ему надо где-то заночевать. Тут он странным образом понимает, что может заночевать где угодно: и в Деревне Новичков, и на Ростке, и на Янове или еще в десятке других людных мест и надежных схронах, стоит только выбрать, но он выбирает Пустошь. Согласно ощущениям, он мог заночевать в любом другом месте, но его почему-то тянуло именно в свою суровую обитель, которую однажды он пересек в оба конца. Его тянуло в земли, где пожухшая, но продолжавшая несмотря ни на что расти трава свистела под порывами ветра, где каменистая местность не плодила достаточно аномалий, а те, что появлялись, не всегда могли подарить залетному сталкеру артефакт, где царствующие тушканы давно встали на вершину пищевой цепи. И редкий кабан или плоть отважились бы поискать наживы в этих бесплодных местах, даже вездесущие слепые псы, сама соль Зоны, избегали этих мест.

Но как потрясающе красивы эти места на закате, когда тучи на секунду или минуту позволяли заглянуть солнцу в этот край. Бобр не видел этого наяву, но во сне он специально дожидался этого короткого момента, когда мог полюбоваться красотой сурового безжизненного пейзажа в красно-золотых лучах заходящего солнца. Тогда вывернутые из земли булыжники с кварцевыми прожилками, отполированные ветром и кислотными дождями и невероятным, нездешним количеством лет, преобразались и начинали играть своим светом. Словно кусок скалы вдруг вспомнил свое огнедышащее прошлое и засверкал красными раскаленными брызгами на своей поверхности, когда даже холодный ветер не в состоянии охладить их пыл, а дрожащая на ветру трава, ранее скрывавшая находящиеся в них доисторические образования, вдруг отступала от них, становилась меньше, понимая величие и древность вынесенных далеким потрясением на поверхность Зоны изваяний. Именно эти мгновенья напоминали Бобру о чем-то хорошем, о какой-то незыблемой и неистребимой красоте Земли, в суматохе дней попираемой ногами, но все-таки неистребимой никакими человеческими усилиями, и эта красота будет находиться здесь неизменно и вечно. Бобр даже во сне знал, что люди, десятки раз проходившие эти места, находили здесь только ужас и смерть; они сами несли в себе эти чувства, и Монолит услужливо менял окружающую их действительность в соответствии с их ожиданиями, но стоило один раз увидеть величие и уверенность пустоши, как пустошь начинала наполнять человека силой и уверенностью вечности. Именно это во сне потрясло самые тайные и скрытые струны в душе Егора, влекло его сюда, очищало его душу от сомнений и колебаний, ставя все на свои места и отвечая на многие не высказанные вопросы еще до того, как он задавал их. И когда невероятная радость, восторг и упоение свободой переходили все терпимые и возможные пределы, Егор просыпался в своем бетонном отсеке со слезами на глазах... Но это были слезы безграничной радости и восторга души, соприкоснувшейся с вечностью.

Спустя пять дней после возвращения, коротко попрощавшись с должовцами и учеными, оставив им свои премиальные, как это он делал у Сидоровича, прихватив все свое, Бобр покинул Янтарь, обещав вернуться. Удивительное дело: с каждым шагом вглубь Зоны, в душу сначала робко и неуверенно, а затем все более полноправной рекой вливалось спокойствие. Он шел назад к Леснику. Спустя несколько сотен метров от забора, окружавшего бункер, к нему, заискивающе кланяясь и крутясь, присоединился снарок Мелкий. Бобр не стал отгонять его, а, когда сталкер мысленно разрешил Мелкому сопровождать его в пути, радости снарка не было предела, которую он выразил высокими прыжками и ударами ладони по земле. Самочувствие и настроение улучшалось, особенно когда Бобр снимал не желавший сдвигаться с головы колпак-капюшон и до живота расстегивал «Сеvu». Определенно, сырой климат Зоны, вечно хмурившееся небо возвращали его к жизни. Ни один мутант не тревожил его, благо теперь сталкер замечал их раньше детектора, зачастую и вовсе не поворачивая голову в их сторону. Аномалии теперь были также хорошо заметны, и их игру и расположение можно было разглядеть с пригорка или с любого другого возвышения, будь то сгоревший остов машины или полуразрушенное строение.

Он двигался таким образом быстро и незаметно, разгружая психику и занимая себя днем, а ночью снова ощущая неясную, заставляющую его идти дальше тревогу, которую он перебарывал только усилием воли, заставляя себя сидеть или лежать на месте, а не вставать и шагать дальше. Ночью практически под открытым небом, из оружия имея при себе лишь модифицированный свободовцами чейзер и стандартный выдавший виды глок, сталкер не испытывал никакого страха перед мутантами. Почему-то не получалось бояться. Стоило только почувствовать на себе чей-то взгляд или ментальное прощупывание и попробовать также без помощи глаз отыскать искавшего его мутанта, как тот спешно старался потеряться и оборвать нежелательную связь, оставляя сталкера в одиночестве. Егора больше тревожило другое: неясное ощущение в груди, словно он что-то забыл, или должен сказать, или должен увидеть, или как будто

он перед кем-то виноват, и теперь ему срочно надо увидеть этого кого-то, чтобы выяснить и устранить непонятное беспокойство из-за опять же неясного, надуманного недоразумения.

Это ощущение, не дававшее ему покоя, было знакомо многим сталкерам. Но они чувствовали его, как только выходили за периметр, сбывали и обмывали или пропивали хабар. Это ощущение имело название – зов Зоны. И как только опохмелившийся сталкер чувствовал Зов, он больше не мог найти себе места. Он бросал все свои надуманные дела, доставал свой старый рюкзак, снарягу и лез в Зону, обратно внутрь периметра, через заслоны, колючку, минные полосы и другие рукотворные препятствия. Но что такое рукотворное препятствие для сталкера, промышлявшего в средней Зоне, привыкшего часами наблюдать движение, порядок срабатывания, предел действия аномалии? Смех, да и только. Что такое колючка или мина, или бетонный забор со всеми наворотами для человека, научившегося в своей голове прокладывать такие маршруты прохождения через аномалии, на какие неспособны машины? Ничего, только хорошо понятное, ограниченное, слабоумное приспособление, обязанное остановиться разве что самого непутевого отмычку или безмозглого зомби. Поэтому, когда сталкера звала Зона, он всегда приходил к ней. Только тут сталкер мог свободно вздохнуть полной грудью и вновь почувствовать себя немного сильнее и свободнее, здесь, внутри периметра, будучи окруженным сотней опасностей и ловушек, чем там, сидя в безопасном помещении в окружении друзей и подруг.

Также и Бобр безотчетно стремился встретиться с Лесником, чтобы пролить хоть крошечный пятячок света на его темную историю с бандитами и контролером. Разве что зов он слышал, находясь уже в Зоне, и она звала назад, на свои самые глубокие уровни, куда крайне редко отважится выдвинуться иная экспедиция, еще реже возвращаясь обратно.

2. Назад в Рыжий Лес

Лесник встретил сталкера на окраине Рыжего Леса. Суровое лицо с глубокими морщинами на лбу, длинные, мохнатые брови, серые внимательные глаза с сеточкой морщин, загоревшая грубая кожа, несмотря на то, что в Рыжем Лесу, да и вообще в Зоне, невозможно загореть, поскольку солнце здесь нечастый гость, как и новости с Большой Земли. Прошла всего неделя с тех пор, как Бобр и ученый Валерий Степанович покинули Лесника. Несколько больших дней отделяли сталкера вчерашнего от сегодняшнего, и как знать, сколько дней превратят его в сталкера будущего. Хотя и на Лесника, видимо, тоже повлияли те несколько дней, когда он оставил двух гостей в одном из своих лесных домиков. Его лицо осунулось, взгляд, ранее блестящий искорками смеха, теперь выдавал тревогу, шапка-ушанка теперь не торчала лопухом щеками, во все стороны болтая шнурками в такт тяжелому, но бесшумному шагу, а была стянута в корзинку.

– Здорово, дед, – поздоровался Бобр.

– Привет, парниша, привет, – не очень радостно, но все-таки с нотками облегчения поприветствовал его Лесник. – Я знал, что ты вернешься, только долговато что-то.

Бобр внимательно искоса глянул на Лесника.

– Быстрее не получалось. А ты откуда знал, что я приду?

– Зона поведала. Видела она тебя, ждет, – сказал Лесник, поворачиваясь на возвратную тропу. – Голоден?

Бобр кивнул головой, вспоминая, что и правда не ел нормально уже два дня: наверное, это видно было теперь по его осунувшемуся лицу с темными кругами под глазами, выдававшими ночи мучительных, неуспокоительных и безрезультатных раздумий. Не спрашивая, куда именно они идут, Егор зашагал следом, странно чувствуя ощущение, будто каждый шаг за широкой спиной Лесника приносил ему облегчение.

– Как твои... – вспомнив недавний набор новых охранников вместо погибших снарков Борьки и Яшки, спросил Егор, – твои эти, новенькие?

– А-а-а, – догадываясь, о чем спрашивает сталкер, протянул дед. – Киргиз и Старый?

– Ну да, наверное, они. А кто Киргиз? – с интересом спросил Егор.

– Киргиз – снарк. Охотник, кровосос, по-вашему – Старый, – ответил Лесник, пригибаясь от метившей ему в лицо ветки. Сталкер повторил движение Лесника. – Да что они, оба молодцы, стараются. Правда, давеча стрелял кто-то в обоих, подранил, но ничего, они стрелков не тронули – я проверял, просто спрятались, как велено было.

Оба замолчали, да и что особо говорить о мелочах, когда не за этим их снова свела дорога. Тишина и величие Рыжего Леса действовали на Бобра успокаивающе: отломившаяся сверху веточка, тихо шелестя задеваемыми по пути листьями, упала в воронку. Та, потревоженная возмущением, схватила с земли слой крупных желтых листьев и, широким кругом закручивая их на высоте от трех до четырех метров против часовой стрелки, раскрутилась, готовясь затащить все что угодно в центр себя, но, не найдя в своей добыче и вокруг ничего для себя интересного, вдруг ослабла и, словно выдохнув разочарованно, отпустила. Отпущенная воронкой листва крупными золотыми хлопьями разлетелась в стороны, крутясь в воздухе и создавая приятный тихий шорох. Еще несколько воронок, стоявших поодаль, сработали от влетевших в них листьев и, точно так же покрутив добычу, разочарованно выдохнув, отпускали их, заставляя разлетаться широким веером.

– Ты знаешь, Егорка, Рыжий Лес теперь другой стал, красота в нем теперь пошла... Растет девчонка, теперь ей красивое нравится, – улыбнулся Лесник.

– Зона? – переспросил сталкер.

– Она самая, – ответил Лесник. – Только в черных клетках смерть и погибель по-прежнему, лютует там она. Руки, ноги переставляет... Ну, ты сам знаешь, – подумав, дополнил он.

Сталкер промолчал, обходя за Лесником облепленный жгучим пухом ствол дерева, нити которого потянулись вслед за их движением, словно намагниченные. В какой-то момент сталкер разглядел кости человекообразного существа в этой мохнатой подушке. Спрашивать о пустяках деда он не стал – мало ли кто там был: человек, snork, кровосос или еще кто – в живое его уже не превратишь.

Спустя еще полчаса они пришли в избушку, в которой они уже бывали ранее. Низкий плетень, за которым стоял деревянный сруб, журавль с низким колодцем во дворе, сарайчик. Зная о том, что строение охраняется, Бобр остановился, держа руки на животе, а дробовик – на ремне через плечо. Лесник встал возле ворот и негромко свистнул – из пристроенного сарайчика выбежало еле заметное преломление воздуха с желтыми угольками глаз, а вдоль плетня с внутренней стороны слева от людей, низко пригибая голову в противогазе, полубоком неспешно приковылял snork. Сталкер лишь плотнее встал к Леснику.

– Знакомьтесь, – обращаясь больше к Бобру, сказал Лесник. – Бобр. Пошли, – не делая паузы, продолжил Лесник и, не оглядываясь, открыл калитку и пошел к дому.

Кровосос полностью пропал из виду, а snork пробежал несколько шагов за сталкером, приносиваясь, и затем, потеряв интерес, отстал, оставшись стоять посередине двора, покачивая головой и глядя в спину Егору.

– А как это Старый так испарился? – с удивлением спросил Бобр.

Это, пожалуй, первое и единственное, что действительно заинтересовало его сегодня.

Лесник усмехнулся в бороду.

– Да не испарился он, это он так играет, недаром Старым кличут. У него кожа тонкая, чувствительная, стало быть, видать, и управляется лучше, а он еще и, стервец, моется, чтобы, мол, пыли на нем никакой не было или грязи, так до такой степени маскироваться научился, что глаза закрывает, и нет его вообще. Только нащупать можно.

– И как он с закрытыми глазами ходит? – спросил Егор.

– Да как, вот по слуху и ходит. Ты назад аккуратно пальчиком ткни, ток не пужайся, – посоветовал дед, открывая дверь избушки.

Бобр обернулся: сзади никого не было, только snork Киргиз сидел на тропинке, крутя в разные стороны головой.

– Нет, не хочется мне назад пальчиком тыкать. Верю, что тут он. Молодец Старый, – сказал в никуда Бобр. Из ниоткуда позади, но очень близко неопределенно хрюкнуло.

Внутреннее убранство избушки не изменилось: стол, две скамьи, несколько шкафчиков, печь буржуйка. Разложив на столе нехитрое сталкерское угощение, – походную бутылку казаков, заблестевшую вдруг гладким стеклом, Егор вымыл руки и сел. Лесник тем временем вернулся со знакомыми пучками зелени, растущей тут недалеко на огороде, и несколькими крупными белоснежными яйцами.

– Откуда это? – спросил Бобр, удивившись за сегодня второй раз.

– Точно знать хочешь? – хитро прищурившись, спросил дед, скидывая ушанку и фуфайку, обнажая седые волосы с каемкой следа от шапки и серый свитер. – А то ведь, смотри, скажу, и аппетит пропадет, – продолжил он, доставая примус и большую сковороду.

Егор почесал в затылке, но, решив, что Лесник уж плохого не посоветует, ответил:

– Да говори уже, – махнул он рукой и потянулся за бутылкой казаков.

– Змеиные это, на болоте собираю, – спокойно сказал дед, высыпая уже нарезанное сало на сковороду и прижимая кусочки алюминиевой советской вилкой с искривленными, но бережно выпрямленными зубьями. По домику понесся изумительный запах жарящегося сала. Желудок сталкера мигом воспринял композицию и заурчал, словно древний холодильник ЗИЛ.

Замершая на мгновение над бутылкой рука продолжила свое движение. Хрустнула сворачиваемая с бутылки крышка, звякнули придвигаемые стаканы, торопливое бульканье жидкости.

– И как, вкусные? – спросил Егор, засовывая в рот веточку ароматного укропа, от которого желудок, страшно жаждущий живой, человеческой пищи, а не консервов и колбасы, протяжно взвыл, что не ускользнуло от внимания Лесника.

– Да, кажись, тебе сейчас в самый раз, – посмеиваясь, ответил дед. – Не бойсь, чуточку погуще, да запах рыбный бывает, а так, сдается мне, деликатес. – Еще через минуту он разорвал кожистую оболочку яиц над сковородой, выливая их содержимое на сало.

Наконец, поставив деревянную подставку на стол, он водрузил на нее широкую сковороду, на которой шипели и пенились согнутые жаром шкварки и расплзались яркие желтки на ажурных, пронизанных дырочками белках. Густо посолив крупной серой солью, он бросил туда пару веточек травки и закрыл сковородку эмалированной крышкой, явно не принадлежавшей этому прибору.

– Пусть дойдет, – двинув бровями, посоветовал дед. – Ну давай, Егорка, по малой.

Они чокнулись. Пятьдесят грамм водки казаков на голодный желудок огненной змеей скрутились внутри. Крякнув, Лесник снял крышку. Аромат, вырвавшийся вместе с облаком пара, заставил Бобра прослезиться от умиления. Совершенно несложное блюдо пахло просто божественно. Удовлетворившись реакцией сталкера, Лесник подвинул к нему корзинку с крупно нарезанными ломтями хлеба.

– Ну давай сынку, угощайся.

Плотно поев и с трудом опустошив сковороду, они вышли и сели на деревянное крыльцо. День близился к концу, небо, частично видимое с освобожденной от молчаливых деревьев делянки, начинало темнеть с одной стороны. Раскурив самокрутку, испустившую душистый аромат самосада в вечернем воздухе, Лесник начал главный разговор.

– Ну что, Бобр, хочешь знать, почему Зона тебе сна не давала, да еще и подарками своими наградила?

Сталкер промолчал. Лесник, правильно понявший его молчание, слегка кивнул головой, затаился и выпустил струю дыма в землю.

– Беда у Зоны большая.

– Что за беда? – внимательно глядя на Лесника, спросил он.

А где-то внутри вновь появилось и усилилось ощущение его беспокойного состояния, не дававшее ему не только спать, но и мыслить.

– Извести ее хотят. Люди, – с этими словами дед выкинул только что раскуренную сигарку во двор.

Окурок, пролетев пару метров, стукнулся о невидимое и, рассыпая красные, тухнущие в полете искры, упал на землю. Из ниоткуда раздалось удивленное бульканье.

– Извини, Старый, нечего тебе тут стоять, иди.

Пустота удрученно вздохнула. Вспыхнули огоньки глаз и, медленно качаясь, двинулись в сторону открытой дверцы сарая.

– Так ее все время извести хотят, сколько я знаю, что за беда?

– Теперь, Егорушка, большие силы хотят, раньше так, человек малый или конторка задохлая, а теперь тучи, не чета прежним, идут. Солдатики да Долговцы скопом пойдут, но большей частью Долг опасен, только не долговские там ребятки сейчас, а те другие, злые, черные. Зона их не видит и управы найти не может. А они уже кто год, кто месяцы в Долге служат, ума да хитрости набираются, чтобы, значит, в аномалию не попасть, мутанта шибче убить, да кто как дружит в округе, учатся и копят силушку-то.

– А военные как?

– Военные, Егор, никак – муляж они соломенный, высадят их на вертолетах, и будут они монолитовцев огнем дразнить, а те, значит, отбиваться будут. Так все силы и будут стягивать,

а черные тем временем, ну, которые в долговской форме, пойдут своим ходом напрямую, на Монолит пойдут и толь взорвут, толь пушкой специальной шарахнут – то Зона сама не ведает.

– Так это все Зона тебе рассказала?

– Конечно, сталкер, чего ж тут мудреного. Все мысли сюда стекаются в черные клетки, да ты сам знаешь, а там же кроме убить, отнять и твое-мое другая чернота имеется, вот оттуда-то и все планы Зона видит, особенно то, что ее напрямую касается. И обидно ей, что извести ее хотят, а недавно пришло, что вот-вот начнется операция какая-то – шибко уж много мыслей про нее пошло. Вот тебе и мне и не спится, вот и зверье не спокойное все, не может и не хочет она печаль свою скрыть, а ты же навродь как помазанник ее стал. К Монолиту тебя сам Страж пустил, стало быть, чист ты перед Зоной, вот и видит теперь тебя она, да и все, значит, дети ее.

Лесник сделал паузу, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Защитник ей нужен, тот, кто сможет уберечь ее от беды от этой.

Дед опустил голову.

– Я старый, силы не те, Доктор совсем не по этой части.

Неожиданно голос Лесника зазвенел несвойственными ему звонкими, чужеродными нотками, голова неестественно медленно, словно только что пришедшего в себя человека, повернулась к Бобру.

– А вот ты, Сталкер, – глаза Лесника заполонил зеленый огонь, – ты – можешь!

Лесник закрыл глаза.

Егор вздрогнул. Мороз пробежал по коже, сковав ледяными иглами тело, и, в прыгнув в каждую волосинку на теле, вызвал болезненное ощущение по всей коже. Зона сама сказала главные слова ему. Он промолчал. Та, все-таки уже несколько дней назад минувшая история начала забываться и становиться действительно какой-то правильной ожидаемой точкой, определяющей его, Егора, суть. Сталкер чувствовал что-то древнее и одновременно молодое и разумное, исходящее не столько от Лесника, сколько от того, что говорило с ним секунды назад, но часть его разума, разума сталкера, отказывалась вот так с размаху поверить в его причастность к этому. Возможно, раньше Бобр просто проигнорировал такое проявление Зоны, сославшись на галлюцинации, но теперь он просто не смог этого сделать. Какая-та часть ранее существовавшего в нем критического мышления теперь сломалась, и сорванные со шпонок шестерни никак не могли закрыть дверь, через которую Зона заглядывала внутрь сталкера, когда ей этого захочется. Они лишь вяло проворачивались, но, не находя видимого эффекта, выключались. Это могло бы свести с ума и, наверное, сводило, но сталкер не сопротивлялся этому. Он не противопоставлял свой человеческий рассудок, которым все реже и реже приходится пользоваться, происходившему вокруг. Толика здравого смысла, присутствовавшего в нем, не пыталась оценить стандартными человеческими рамками мышления происходящее здесь и видимое глазами. Даже поговорка, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», работающая там, на Большой земле, вполне могла быть заменена здесь, в Зоне, на «лучше один раз почувствовать, чем сто раз увидеть», – настолько сильно менялся сталкер, выживший в средней и глубокой Зоне.

В принципе, так поступали все промышляющие на территории Зоны сталкеры, но, по сравнению с Бобром, они могли время от времени проверить степень своего свинчивания с катушек с состоянием других людей: это позволяло людям оставаться людьми, по крайней мере в своих проявлениях, но все же Зона неизменно, день за днем, подобно скульптору, высекала из человеческой натуры все лишнее, все ненужное. Здесь психика человека была исходным материалом, тем самым гранитом, глядя на который скульптор пытается понять, что же сокрыто внутри.

– Так что мне делать? – тихо спросил он Лесника, понимая, что выбора ему никто не оставлял.

– Надо разбить Долг, – ответил Лесник.

– Всего-то? – усмехнулся Егор, вспоминая свой дробовик, оставленный в избе. Он даже не стал продолжать, понимая абсурдность ситуации.

– Да, – без тени иронии подтвердил дед, – надо выбить половину или большую часть личного состава Долга. Ты не думай, на убой тебя никто не пошлет. Зона поможет, да и я тебя кое-чему научу.

– Чему? – спросил Бобр, перебирая варианты, что может подсказать ему Лесник, чтобы суметь в одиночку разделаться с Долгом.

Варианты в голову не приходили.

– Да ты не дрейфь, – как-то буднично сказал дед, – не один ты будешь. Дает Зона детей своих, а я тебя научу, как с ними обходиться. Будут тебе они в помощь, иначе не сможет Зона черных остановить, тут человек нужен. Кто же, кроме человека, человека обхитрить может? А? Я, сколько лет живу и с мутантами якшаюсь, поверь мне, хитрее и изворотливее человека существа не видел, и Зона знает, что супротив человеческого ума только человеческий играть и победить может.

Действительно, изворотливость, жестокость и хитрость человеческого существа, оттачивающего мастерство обмана, захвата и подавления тысячи лет, не могло идти ни в какое сравнение с совсем юной частью территории вокруг ЧАЭС с выведенной на ней советскими учеными искусственным интеллектом. Пусть искусственный интеллект наделен волей, делающей его разумным и способным выбирать и желать, одновременно используя возможности Монолита, тем не менее этот интеллект, называемый Зоной, не способен остановить людей, не подчиняющихся ее, Зоны, законам и имеющим достаточно навыков и знаний, чтобы избежать с ней столкновения. В конце концов, действия Зоны – всего лишь программа, роль датчиков, сенсоров которой выполняют мутанты, программа, созданная хозяевами, чтобы развивать и сохранять внутреннюю экосистему, а затем защитить их и Монолит от посягательств внешних сил или при возникновении угрозы. А люди, идущие с верой и жгучим желанием уничтожить Зону и Монолит и дошедшие до Исполнителя, вполне могут повернуть Монолит против Зоны или, поменяв алгоритм действия и программу Зоны, заставить ее расширяться и расти или создать новую собственную реальность. Тут уж не до шуток никому, никто не сможет остановить человека, рвущегося к цели, кроме него самого, поскольку Монолит и Зона лишь рукотворные инструменты, изначально призванные служить людям, а те, кто их создал, Хозяева, постепенно выходящие из строя в своих автоклавах, не настолько всемогущи, и даже им все чаще и чаще необходима помощь со стороны.

Бобр испытывал странное чувство опустошения и предопределенности, он был уверен, что может отказаться и покинуть Зону – ничто не давило и не заставляло его сейчас, когда вопрос начал вырисовываться. Да, он все еще оставался человеком, свобода выбора это – то, на что не могла посягнуть даже Зона. Но сможет ли он сделать правильный выбор, тот выбор, который не оставит его за бортом быстро происходящих изменений, а с головой окунет его в самую настоящую жизнь, в которой он, не пригласившийся снаружи, за периметром, вдруг ощутит себя центром вселенной, из которого не хочется выныривать, чтобы глотнуть свежего воздуха? С его полученным пониманием Зоны, совпадающей с описанной ему Сахаровым на Янтаре «реакцией инициированной среды», он без проблем может найти выход и покинуть Зону или устроиться на Янтаре к ученым вполне себе теплым сотрудником, изредка выказывающим нос наружу, только зачем? К чему были эти бои за свою жизнь с мутантами, бандитами, неизвестностью и завтрашним днем? К чему эти скрытые от него самого, но вечные попытки заглянуть за черту, за ту, которая, казалось, вот-вот откроет ему новый цвет в палитре жизни и новую ноту в ее звучании, если завтра запереться на Янтаре и превратиться в тухнувший мешок костей? Как он может отвернуться сейчас от того, что шлифовало его и создало его сегодня таким, какой он есть, гораздо более сильным и гораздо большим человеком, чем тогда, когда он переступил периметр? Как он может сидеть в норе, глушить себя водкой, постепенно раз-

жижая волю и разум, и делать вид, что ничего не произошло, не происходит и не произойдет, когда он сам часть Зоны? Как он может отказаться от новых знаний, которые наконец-то начали давать ему понимание ролей в этой системе? В Егоре теперь не осталось ничего, что бы хотело спрятаться, убежать, поджать хвост или согласиться со слюнявой надеждой, что все будет хорошо и без его участия. Черта с два все будет хорошо для него, если он спасует! Он сам лишит себя того, что дороже жизни, и станет таким же зомби, как и миллионы и миллиарды других, только облученных выжигателем души, серым сгустком бессмысленно двигающейся материи там, на Большой Земле.

– Мутанты пойдут со мной? – спросил Егор, вспоминая Мелкого, оставленного на краю пустынных земель и Рыжего Леса.

Мелкий, еще недавний бандит, все никак не ассоциировался у него с мутантом. Для Бобра это было существо, заслуживавшее сочувствие и жалости.

– Да, сходим в черную, выберешь себе помощников. Зона может доверить тебе их, – ответил Лесник, закрывая глаза.

– Так, значит, война? – спросил Егор, нахмурившись.

– Да, сталкер. Не люблю я это слово, – нахмурившись, сказал Лесник, – плохое слово, недоброе, с детской да с бабской кровью замешанное. Знавал ли ты, что такое война?

Егор отрицательно покачал головой

– Нет, дед, не знаю.

– И не надо, неправильное это дело. Тут, в Зоне, только мужики воюют, у тебя будет свой бой, у монолитовцев свой, у меня свой.

– А у тебя с кем? – удивленно спросил Егор.

– Тебе знать не положено, но найдется и мне, старику, забота. Всем постоять придется, теперича люди с Большой Земли действительно до Монолита руки свои дотянуть могут – большие силы и знания у них. Слухай, значит, сюда, вот какой план у них вырисовывается: вояки, значит, займут открытым боем монолитовцев, закинут их туда поближе, но это куклы, а главный враг – те которые, ходят в броне Долга. Неизвестны и невидимы для Зоны, две жизни у них в голове, одна из них видна, а другая... Когда они получают приказ, они станут теми, кем были до Зоны, – чужими и неизвестными, но уже будут знать, как работают аномалии, как убивать мутантов и что делать возле ЧАЭС, поэтому их нужно уничтожить до того, как они проснутся. Даже если Зона устроит гон, чую я, звери не смогут достать их, ускользнут. Да, Егор, и тебе нельзя, чтобы тебя смогли опознать или заподозрить, иначе за тобой начнется охота, а в этом деле тебе несдобровать, слаб ты. Пусть не сегодня, но завтра тебя достанут – для этого у наших врагов слишком тренированные руки. Ты знаешь, что несколько кланов наемников живут здесь только на заказах той самой конторы, которая шарит тут чужими руками?

– А что, эта самая контора не может наемников на ЧАЭС снарядить? Обязательно своих?

– Может, но наемников Зона видит, и не пройти им, да и не участвуют они пока в этом деле: шутка ли дело, добраться до Монолита, не доверяют тут им, – сказал Лесник. – Ну что скажешь, сталкер? Возьмешься за дело? Только одно предупредить тебя хочу: если согласишься, то не будет тебе пути простого, и друзей-знакомых забыть придется и Большую Землю от себя избавить – не выдержит человек два мира в себе носить, когда и один с трудом в душе помещается.

Егор отвернулся и уставился в землю: «Вот оно, решение, – подумал он. – Быть или не быть», – усмехнулся он, поняв, наконец, весь смысл великой фразы.

– Так, значит, это мне больше не пригодится? – спросил он, повернувшись к Леснику, и отстегнул ПДА.

– Верно мыслишь, сынок, – ответил Лесник, глядя в глаза Егору.

Лесник протянул руку ладонью вверх, не делая попыток забрать ПДА. Бобр вложил свой ПДА сам, Лесник забрал его себе и нажал несколько кнопок. Сталкер дернулся было остано-

вить его (как так, кто-то ковыряется в твоём ПДА), но так же внезапно остановил свое движение. «Какая разница-то теперь...». Лесник, окончив манипуляции, свистнул —из-за избушки, ухая, появился snork и сел перед человеком. Лесник показал ему ПДА Бобра и, держа гаджет между своим лицом и мордой в противогазе snorkа, несколько секунд неотрывно смотрел через стекла противогаза в неожиданно красные, даже розовые, как у кролика-альбиноса, глаза snorkа, в которых не выделялись ни зрачки, ни белки. Все было сплошным неприятным розовым шаром. Киргиз несколько раз ухнул и схватил ПДА.

– Пошел, – спокойно сказал дед, и snork, развернувшись, поскакал в лес, попутно перемахнув через плетень. – Все, Егор, теперь ты – обожженный, зомби по-вашему, и расстреляют тебя сегодня-завтра на Янтаре.

– Это как, я – зомби? – не поняв, спросил сталкер.

– Наденет Киргиз твой ПДА на обожженного, и дело с концом, а того пришьют или еще чего. Дело-то несложное.

– А по-другому сделать нельзя было? Там же тайники мои, инфа разная, – вспомнил Егор, понимая, что теперь эта информация может быть доступна любому обыскавшему зомбированного. И задним числом понимая, что он, по сути, остался в том, что на нем, хоть и это немало, но где же ему теперь брать еду, воду, боеприпасы, особенно с учетом последних событий.

– Не трухай, Бобр, – весело объявил Лесник, – правильное ты дело сделал, Зона тебя не оставит. Ага... – теребя ус и думая о чем-то своем, продолжил дед: – Я видел, с тобой snork на границе был. Так чего ж его с собой не взял?

– Да я это... – растерявшись, начал Егор, не зная, что ответить. – Может, подерутся еще с местными, я ж не знаю.

– Подерутся?

Лесник засмеялся: его настроение явно улучшилось, словно он решил давно мучавшую его задачу.

– Да не, у меня не подерутся. Я так признал его, это не бандитик ли бывший, все со своей шайкой на пустынке промышлявший? Как, то бишь, его звали?

– Косой.

– Во-во, Косой, он самый и есть. Много они мне кровушки испортили, пока не шуганул я их из лесу. Крепко пострелять да тикать быстренько мастера. Ну да ладно, кончились они? – спросил он у сталкера.

– Да, они нас с Валерой между холмов взяли. Я им схрон пообещал и в тоннель увел.

– К тому, что аномалиями заложен и жарки две возле стен приметные? – уточнил Лесник.

– Да, туда, – ответил Егор, не удивляясь осведомленности Лесника. – Ну контролер нас встретил, Толстого, их бригадира Житуху, так вроде звали, и еще одного... Как это... разбил, что ли... И с собой забрал. Они кто убежать, кто стрелять начали, – вспоминая, рассказывал Егор, впервые ведая эту историю живому человеку и чувствуя невероятное облегчение, что можно было, наконец, вот так высказаться, и никто не покрутит пальцем у виска и ему не нужно будет убеждать себя, что это лишь наведенная Монолитом галлюцинация.

А вот Косой на колени упал, выпрашивал что-то, жаловался, ну вот, видимо, контролер его и это... того, в snorkа.

– А противогаз ему кто надел?

– Я подал. Он ко мне приполз, головой в колени стукнул, а рюкзак на спине, ну вот я как-то понял, о чем он просит, – ответил Егор, опасаясь, что, может быть, сделал что-то не то.

– Это правильно, это хорошо, теперь он и правда счастливый будет. Хозяин, значит, признал его, и сам тебя не подведет. Как назвал-то?

– Мелким, – усмехнувшись, ответил сталкер, – он еще когда человеком был, я его мелким про себя называл.

– Ну что, имечко хорошее, вот ты только Мелкого спроси, где схрон ваш, и картинку ему так представь, поделльников его бывших, его самого, только без обиды, а спокойно так. Он вспомнит, покажет, – поглаживая бороду, учил Лесник. – Они тут крепко при жизни лютовали с ученых вон, со сталкеров, иных, кто с грузом от Рыжего Леса шел, да и долговцами не брезговали. Крепкая бригада была около десятка, но и на таких старух пришла пара прорух, – улыбнулся дед. – Так что поменяешь ты свои схроны на бандитские, общего, значит, назначения. Мелкий там у них вроде за помощника бригадира был?

– Ага, что-то вроде, – подтвердил Егор.

– Ну вот, все нычки ему известны, так что будь спокоен, – хлопнул Бобра по плечу Дед и встал с крыльца. – Пойдем, Егор, времени у нас нет, собираться будем. Сегодня в черную пойдем, помощники тебе нужны, – уже из комнаты сказал он.

Сталкер встал.

– Да что собираться-то? Я-то уже. А почему сейчас идти, вроде как ночь на носу? – спросил Бобр, вспоминая ту страшную поляну и ряды мутантов, сидевших на ней, явившихся по сигналу Лесника. Особенно врезалась ему в память высокая фигура в плаще с широкополой шляпой, окруженной тремя чернобыльскими псами. Несмотря на то, что тогда она была далеко и лишь чуточку выступила из тени дерева, ее особое положение среди всех мутантов было очевидным. Даже сейчас от воспоминания этого момента сталкеру было не по себе.

– Ночью идти-то и надо, – появляясь в дверном проеме, сказал Лесник.

За плечами у него уже покоился вещевой мешок и охотничье ружье. Бобр быстро метнулся за своим рюкзаком и дробовиком.

– Ночью мутант беспокойный, зато видный как на ладони. Есть такие, что не со зла, а так, от дурусти повредить тебе или мне могут. Человек-то слаб и наг супротив них, таких постоянно в узде держать надо, да только зачем мне такие. А есть другие, которые без дурилки, – у таких глаза ясные, в голове чисто все, ну, ты поймешь, я тебя научу, – открывая дверцу в плетне, сказал Лесник

– А как это, ясные? Как у Киргиза? – спросил Бобр, вспоминая его неестественно красные глаза снарка.

– Да нет, у Киргиза другое дело: он под Выброс попал, да под матку, она его переваривать да переделывать начала, а тут их волной накрыло, ну вот он с Зоной, что твой косой, который нынче Мелкий, и договорился.

– А что это за матка? – с недоумением спросил Егор.

– Аномалия такая или мутант, тут и я не шибко пойму, вроде мутант, а убить невозможно. Редкая, только на деревьях и водится, ну или еще на верхотуре какой. Вроде как слизняк такой розовый лежит, просвечивает или паутинкой такой делается, маскируется навродь, а как подойдет кто под дерево, так она ему на голову и надевается и вроде как растворяет и в себя втягивает, но не всего, а только кожу, мышцы, внутренности, а вот кости не берет, выбрасывает. Выбрасывает не целиком, а так, кусочками, мол, отделяет потихоньку, там, где освоила человека уже. И получается потом, лежит матка на дереве, а в ней пара глаз, мозг еще чего остается, бывает, ладонь прям наружу вываливается и шарит медленно, так и ниточки от нее идут к мозгу, нервы, стало быть. Так она округу изучает да, может быть, и с мозгом тешится.

– А что человек, ну, который в матку попал? Умирает сразу?

– Да нет, не умирает как раз. Она ему и дышать дает, и вроде с голоду не умирает, а тем временем его живое мясо в свое превращает. Бывает, стоит-то бедолага такой по пояс всего человек, а сверху, значит, она, матка, на нем сидит, вываживает. Так ему в ногу стрельнешь ежели, смотришь – в другой части матки ладонь появляется и кукиш показывает или пальчиком грозит, мол, не шуткуй.

– Да...а Киргиз как спасся?

– Я ж тебе говорю, Выброс был, а когда Выброс идет, Зона все уголки, которые волна накрывает, видит, ну и порядок наводит по-своему, ну, видать, и взмолился-то человек: не дай мне такой смерти, дай жизни, чтобы радость была у него от всего, что, мол, за счастьем сюда пришел. Вот и сделала его Зона снарком, долго ли? Только процесс-то уже начат был маткой той, вот он частично с маткой перемешался, красный стал на полголовы, но ничего, спокойный, ответственный. Сразу видно при былой жизни, человеческой: хорошим мужиком был.

Тем временем они уже шли по Рыжему Лесу. Начавшиеся сумерки сгустились, как только они попали под тень деревьев.

«Да... – подумал Егор, – тут уж и не знаешь, просил бы Киргиз жизни такой, если бы знал, чем дело обернется?» Мысли были невеселы. Вспомнив, что матки висят на деревьях, он настороженно поднял голову на темную крону.

– Да ты не бойся, они идущего не берут... Пока. Если встанешь где или под куст ляжешь, тогда может накрыть, а так пустое, не переживай. Да и нету их тут на этой окраине, не завелись.

Егора передернуло. «Действительно ужасная смерть быть в сознании, но быть не в собственном теле, а в... в чем? В каком-то аномальном физрастворе? Для чего? А как же "я мыслю, следовательно, существую?" Кто же это сказал? Декарт? Да Декарт!», – настолько удивившись вдруг всплывшему неизвестно откуда знанию, Егор поперхнулся слюной. Внезапное понимание, что с ним в последнее время что-то не так, заставило остановиться его. Лесник, идущий впереди, тоже встал, вопросительно глядя на сталкера.

– Дед, я не пойму что-то, – начал Егор, собираясь с мыслями. – У меня в голове библиотека какая-то открылась, иногда... – растерянно разведя руки в стороны, попытался объяснить сталкер, но, махнув рукой на попытки, спросил: – Что это?

Лесник засмеялся.

– Не голова, а дом советов, а? И давно у тебя это? – с хитрым прищуром спросил он.

– После контролера, наверное. Я никогда раньше не знал то, что сейчас в голове появилось, – растерянно проговорил Бобр.

– Радуйся, – сказал Лесник. – Объяснять не буду, время терять, сам поймешь. А про библиотеку ты правильно сказал, в Монолите все знания Хозяев заложены. Пошли, Егорка, времени в обрез.

После еще сотни метров к ним присоединился вроде бы из ниоткуда взявшийся здоровенный чернобыльский пес. Лесник удовлетворенно хмыкнул, а Бобр, обрадовавшись старому знакомому, несмотря на устрашающий внешний вид и пятисантиметровые клыки, полез обниматься. Чернобылец по прозвищу Пес совсем по-собачьи завилял хвостом и несколько раз припадал на передние лапы, как это делают обычные собаки в своей игровой манере.

– Ишь ты, совсем родные стали... – удивился Лесник, глядя на такое панибратство. – А когда-то ты, зажмурившись мимо него проходил. Изголодался по общению, а, Егорка? Ага... правильно, человеку всегда душа родственная нужна.

– Так это когда было, – ответил Егор, улыбаясь, и, улучив момент, когда Лесник снова широким шагом продолжил путь, слегка пригнулся, поскольку до мутанта такого размера особо наклоняться не нужно было, и, обняв его за толстенную шею с вылезавшей из нее клоками шерсти, из-под которой пробивалась новая, прошептал ему в рваное ухо: – Ты же мне жизнь спас, спасибо.

Пес громко чихнул, встряхнул по-собачьи головой, отчего с его шеи полетела расшевеленная сталкером шерсть, и попытался лизнуть Егора в лицо широким языком. Бобр успел отклониться.

– Не надо, Пес, пошли. Чернобылец в три скачка обогнал Лесника и бодро потрусил вперед, указывая дорогу, изредка пригибаясь и обнюхивая пружинящую лесную подстилку, пахнущую сыростью, плесенью и грибами.

3. Черная клетка

К черной клетке пришли через несколько часов. Бобр определил ее по запаху: все тот же запах разложения, сырой, злой плесени, холодной липкой сырости и нечистот, огромные комья жгучего пуха, обещавшие жуткую смерть любому угодившему в его пушистую шапку, местами встречавшиеся черные лужи воды со странным аптечным запахом. Вначале ему показалось, что это из-за времени суток вода кажется чернильной, но затем, заметив торчавший из такой лужи хилый куст, он понял, что и сам куст стал черным, но тем не менее он не создавал впечатление мертвого растения. Это уже была другая клетка, не та, на которую ходил Лесник почти неделю назад за помощниками вместо погибших в бою с безмянным пауком Яшки и Борьки. Заваленные по кругу черные деревья словно образовывали рисунок водоворота, с влажной дырой посередине и фосфоресцирующим синим цветом в ней огромным неизвестным грибом. Над поляной просматривалось ночное небо Зоны с редкими плывущими облаками и зелеными звездами. Жаль, что Егор не был астрономом, он мог поклясться, что он никогда ранее не видел такого разнообразия размеров и расположения звезд. Складывалось такое ощущение, что здесь сверху не их, не земное небо, а вид какой-то совершенно другой части галактики. Впрочем, сейчас его больше интересовало то, что находилось гораздо ближе к поверхности земли: бурелом, покрывавшийся мхом и обраставший мелким кустарником, просвечивавшиеся, бледно, призрачно светящиеся грибы-гнилушки, стоячий, тяжелый воздух – все это вызывало тяжелое чувство в груди сродни тоске и пустой необоснованной злобе. Лесник остановился и повернулся к Егору.

– Значит так, Егорка, как я выбирал, ты сам видел, теперь тебя научу. Мутанты здешние злостью человеческой кормятся, а человек со злостью в душе для них как конфетка в праздничной упаковке, но про себя ты знаешь, тут ты справишься. Теперь смотри, как выбирать будешь: каждый зверь свой характер имеет, если крикнешь на него, ну так, в уме, не голосом, а так, про себя, он или зарычит, отпор то бишь даст, или глаза спрячет, или понять попробует, без злости и страха. Вот такого, который без злости в глаза тебе заглянет, того и бери, с тем договорится можно, это понятно? – спросил дед, чуть-чуть повернув голову к сталкеру, чтобы лучше услышать ответ или вопрос.

– Понятно, – ответил Егор.

– Теперича дале. Мутантов этих, детишек от Зоны, бери сколько хочешь, но знай: это как в школе – чем их больше, тем порядку меньше. Один вперед побежит, другой отстанет, и каждый внимания требует, а если нет внимания, то он про учителя и забыть совсем может. Потому и имя им дать надобно, стало быть, признал ты их, и теперь они в твоём как его... классе. Понятно?

– Да, – ответил Егор.

– Третье. Детишки эти слов не понимают наших, говорить им можно, но главное это в картинках объяснять. Например, принеси воду, и показываешь ему, как он сам берет фляжку и наполняет ее чистой водой. Чистой. И представь, значит, что такое чистая вода, понимаешь? А где он воду возьмет, не твои трудности, они тоже кой-чего соображают. Тут ты как учитель, чем лучше картинка, тем быстрее поймут, а потом сами начнут уже дорисовывать, ну это позже. Усек?

– Да. А как я узнаю, что он понял?

– А ты его повторить заставь. Если он тебе и сам картинку твою же покажет, то, значит, верно все, а если другое что, то, значит, ученик твой в окошко глядел, пока ты перед ним распинался, – предупреждая вопрос сталкера, Лесник продолжил: – А картинку ты от него получишь, как только выберешь, тут без промахов, только сильно не заглядывайся, не твой это мир... Вопросы?

– Есть вопрос. А если они, ну... взбунтуются? – спросил Бобр, робея.

Лесник усмехнулся.

– А ты с ними по-доброму, а иной раз по-строгому, будто учитель. Так они слушаться будут. А спасуешь, духу не хватит или еще чего, разбегутся, как школяра на переменке, так что держать их надо. Да и вообще им интересно самим: предназначение свое вроде как выполняют, они сами и Зона через них тебя и весь мир изучает, вроде как сталкеры они только у тебя в голове, сокровища несметные для них лежат. Поэтому к человеку Зоной выбранному они, равно как и к Зоне, служить готовы.

– А-а-а... – растерянно протянул Бобр. – Какие сокровища в голове? Разворуют? – забеспокоился он, припоминая контролера. Не хотелось ему вдруг стать овощем, или как там все происходит. На миг ему представилось, что кто-то забирает у него кусочек воспоминаний о детстве, и все он не помнит фрагмента, как ловил и рассматривал огромного зеленого кузнечика в далеком детском саду.

– Да не бойся, – улыбнулся дед, – сокровища твои – это знания твои, чувства, значит, и вообще все, что видел. Не украдут. Вот ты можешь электру или воронку украсть да домой унести? А? Вот так и они только посмотреть могут, да и не полезут куда нельзя, у нас в голове зона не чета нонешней, в которой мы находимся, не всякому мутанту там смелости хватит из лагеря новичков выйти. Понял?

– Вроде понял, дед. Уф-ф, – вздохнул Егор, собираясь с мыслями и внутренне повторяя учение Лесника. – Так а что, если они у меня в голове, как в Зоне, ходить могут, то, может, мы тоже в чьей-то голове ходим, – настороженно спросил Бобр, по-новому оглядывая окрестности.

– А ты как думал? Это все, – Лесник покрутил в воздухе пальцем, над головой сделал широкий круг, – мозг человечества, который на нашей планетке Земля, и если бы не те, что на ЧАЭС лежат в аппаратах, да не устройство ихнее, да не программка, которая злость людскую со всего мира ловит да через мутантов уничтожать посылает, то, может, и не жила бы планетка наша сегодняшним днем. Раздавили бы наши и заграничные дураки все красные кнопки в стратегических чемоданчиках. Это я тебе как Глеб Борисович говорю, – сказал Лесник, напоминая, кем он был в прошлой, официальной жизни. – А ты молодец, догадливый. Не переусердствуй только, у тебя дел еще полно.

Такой подход к делу здорово разогрел Егора. Он не удержался и решил задать свой главный вопрос, который он задавал Сахарову, но у него, Бобра, не хватило духу и смелости добиться ответа у профессора. Тот плавно перевел разговор в более актуально русло, изящно обогнув сам факт необходимости ответа, но, похвалив за дальновидность, а теперь проводя аналогию со своим мозгом, в котором смогут находиться мутанты, и мозгом человечества, который проявляется в Зоне, он чувствовал, что приближается к разгадке.

– Глеб Борисович, спросить еще можно? – с надеждой обратился сталкер.

Лесник усмехнулся в бороду:

– Эх, молодежь, чему вас только в школах учат? Валяй.

– Ну, если у нас в голове своя зона, свои аномалии, а мы сейчас в Зоне как будто в мозге всего человечества, и аномалии такие тоже есть, то что такое артефакты? – затаив дыхание, спросил Егор. Теперь он по-новому понимал все вокруг; подключение его к Монолиту затронуло такие струны души, о которых он и не подозревал ранее, что не оказалось без последствия для его мозговой деятельности. И эта новая активность в познании всего, что есть, необычайно радовала и воодушевляла Егора.

Лесник внимательно посмотрел на сталкера из-под густых бровей.

– Мысль светлая сама по себе артефакт, идеи, чувства – все это сокровища, которые не покупаются, а только рождаются в человеке. Для кого-то побрякушки бестолковые, а для кого-то спасение. Вопрос твой, сталкер, правильный, по существу, только чтобы понять его, это еще

пожить надо. Так что живи, сталкер, живи... Эх молодо – зелено, ну что, готов? Все запомнил? – обратился он к сталкеру.

Егор с усилием оторвался от собственных ощущений и сосредоточился на реальности, окружающей его. «Или нереальности?» – закралось ему в душу сомнение.

– Готов, дед, – улыбнулся Егор, отложил дробовик и сломал прутик с чахлого кустика, как делал это Лесник.

Огромный чернобыльский пес с вспыхнувшими под светом выглянувшей из-за низких облаков луны огоньками глаз, стоявший позади, вежливо понюхал вставленный между сучьев дробовик и махнул хвостом.

– Давай вызывай школят, учитель прибыл!

Лесник закрыл глаза, целую минуту прислушивался к чему-то, потом три раза хлопнул в ладоши. Несколько мгновений ничего не происходило, затем лес наполнился рыками, треском ломаемого подлеска и дрожью подболоченной почвы, передавшейся от шагов приближавшихся мутантов. С деревьев слетело несколько листьев и, кувыркаясь, улеглось на освещаемую луной поляну, на которой начали появляться первые «школьники». Резво выпрыгнув, словно огромные лягушки, появились возбужденно ухавшие снарки, пожженные местами жгучим пухом, в разной военной амуниции, которых сталкер, бегло посчитав, обнаружил чуть больше десятка. «Солдатики под Выбросом, – отстраненно подумал Егор, – ничему наших вояк Зона не учит. Загнали в Зону, дали кривые карты без надежных схронов и просчитались с Выбросом. Вот они, ваши без вести пропавшие, а дома, небось, матери да отцы плачут». Снарки, прыгая между поваленными стволами, долго не могли угомониться, пока один из них не рыкнул по-особому, после чего мельтешившие фигуры несколько поумерили пыл и, выбрав пару поваленных стволов, уселись полукругом, сверкая стеклами однотипных противогазов в сторону людей. «Сержант, наверное, – усмехнулся Бобр. – Все-таки что-то в памяти у них осталось». Затем на противоположной стороне поляны выступил целый ряд чернобыльских псов, голов семь-восемь. Они сверкали страшными глазами. Красноватые, ближе к фиолетовому огоньки, помигивая при движении, встречаясь взглядом с человеком. Они словно вздрагивали и опускали голову, переступая передними лапами с места на место. Страшные клыки, местами облезлая кожа на высоком крутом лбу. Непередаваемым пустынным жаром обдавало Егора от этих фигур, несмотря на то, что они находились на противоположном краю тридцатиметровой поляны. «Наш Пес куда красивее», – подумал Бобр, вспоминая стоявшего позади него чернобыльца.

– А чего это они такие облезлые? – спросил тихо Лесника сталкер, кивая головой на ряд чернобыльцев.

– Здесь они пищей такой питаются, зараженное все, да от антенн собиравших людское, пропитанное, вот и тело не выдерживает, а дух звериный восстанавливает его. Наш Пес тоже таким был. Ты, Бобр, не отвлекайся, долго они тут сидеть не будут.

Еще через несколько минут позади Бобр почувствовал движение: три или четыре кровососа в режиме стелз стремительно перемещались между деревьями. Еще через пару минут, тяжело топоча и вмяная в землю то, что не рассыпается под их весом, на поляну выбежали, подобно бродячим танкам, три псевдогиганта: два просто больших, а один огромный, невиданных ранее Бобром размеров. Трехметровая в высоту туша какого-то темного, похожего зеленого цвета, передние конечности покрыты не жесткой щетиной, а ороговевшими иглами, мощные ноги, коленные суставы которых были шириной с самого сталкера в самом широком его месте, разинутый клюв с огромными темными пенькообразными зубами и пара больших, размером с блюдце бессмысленных птичьих глаз. Даже Лесник удивленно хмыкнул, увидев такого гиганта. Три колобка остановились ближе к центру поляны, некоторое время осматривали округу, поворачиваясь всем телом, топорща слабообразованные верхние конечности и насто-роженно булькая.

– Ну вот, Егорка, вроде все, до кого дотянулся, пришли. Давай, – с этими словами Лесник сделал шаг назад, показывая мутантам, кто именно сегодня пришел за ними.

Сталкер после отступления Лесника назад почувствовал, как ментальный ветер, толкнув, ударил его сначала по лицу, по всему телу прямо через комбинезон высшей защиты «Сева», а затем, внезапно поменяв направление, дернул на себя и, словно пылесос, с нескольких сторон начал выстуживать его тело, забирая с собой крохи ранее не замечаемого защищавшего его тепла. Чувствуя на себе десятки пар глаз, он поколебался, сомневаясь, куда идти: к снаркам или к чернобыльцам, но потом, решив, что один снарк у него есть, он направился мимо псевдогигантов через всю поляну к чернобыльцам. Лесник и Пес двинулись за ним. Чернобыльские псы насторожились – их ранее внушавшие сталкеру ужас морды повернулись с ожиданием и недоверием к Бобру, изредка перекидываясь на Лесника. Егор в упор взглянул на первого мутанта, тот тут же опустил взгляд. Бобр повернул голову на второго, но у него не получилось даже встретиться с ним глазами. Шагнув к третьему и прямо посмотрев на него, он получил такой лютый взгляд, что на секунду опешил, но, вспомнив наставления Лесника, сталкер представил картинку, что он и этот пес идут вместе и сталкер подымает руку, чтобы положить руку ему на голову. В ответ раздалось глухое ворчание.

– Не хочет, – тихо подсказал сзади Лесник, – не возьмешь, ищи следующего.

Егор отступился, таким же образом проверил остальных чернобыльцев: никто из них не согласился идти с человеком.

– Почему? – шепотом спросил Егор у Лесника.

– Это же чернобыльцы, сильные псы, с ними даже контролер не всегда сладит по-хорошему, а тебе опыту пока не хватает, – ответил Лесник.

Сталкер перешел к снаркам, но, проверив первых двух, вдруг потерял к ним интерес, поняв разницу между Мелким и сидевшими тут снарками, кроме того, ему показалось, что Мелкий обидится и будет что ли ревновать, если рядом с его хозяином будет еще один ему подобный.

– У меня Мелкий пока есть, – шепнул он Леснику, отворачиваясь от гукающих, раскачивающихся на четырех конечностях и крутящих противогазами снарков. – Пойду к охотникам, – так же шепотом добавил он и пошел назад к кровососам, которые тем временем, выключив стелз-режим, действительно построились в ряд. «И как это у них получается?», – удивился Егор, оглядываясь и понимая, что чернобыльцы, снарки, кровососы и даже три псевдогиганта встали во что-то вроде шеренги. Четыре кровососа стояли, слегка покачиваясь из стороны в сторону. «Говорил ведь Сахаров, что по подобию войск создавали, вот, видать, генетическое и включилось... построение», – вспомнил сталкер.

Взглянув в отражающие темно-красный цвет, словно свет заходящего солнца глаза первого кровососа, поблескивавшего влажной кожей с вытянутыми маскирующими его, подобно прилипшим водорослям, пятнами, Бобр несколько секунд вглядывался в огоньки, кровосос спокойно смотрел ему в глаза. Сталкер представил картинку: себя, стреляющего в нечто опасное для него, и стоящего рядом с ним кровососа. Неожиданно в картинку кто-то вмешался. Стоявший в воображении Егора кровосос вдруг раздул в рыке щупальца и бросился на невидимого врага. «Смелый», – вздрогнув не нервами и не телом, а как будто чем-то другим, ранее не чувствуемым, решил Егор. Кровосос стоял в ряду крайним правым напротив Егора и шевелил нижними щупальцами, слегка покачиваясь в такт собственному сердцу. Сталкер поднял прутик и хлопнул его по плечу.

– Смелый, – громко назвал он его имя.

Тот тут же вошел в стелз и вывалился из отряда, стремительно исчезнув в темноте.

– Куда это он? – растерялся сталкер, обращаясь к Леснику.

– Никуда, сейчас побегает и вернется, они же как дети малые. Порадовался, стоять на месте не может. Давай дальше, топтыги нервничают, – поторопил Бобра Лесник

Действительно, огромные, грузно дышавшие, многотонные туши псевдогигантов заволновались, начали поворачиваться всем корпусом из стороны в сторону и вздыхать. Чернобыльцы тем временем бесследно растворились в ночи, и ряд снарков опустел наполовину, остались только те, которые, по-видимому, с интересом ожидали, чем закончится рекрутирование местного округа.

Следующий кровосос так же спокойно смотрел на сталкера, но в последний момент, когда Бобр хотел подать ему картинку, он как-то странно моргнул. «Нет. Не он», – решил Егор и перешел к следующему. Кажется, понимание того, как надо выбирать, начало приходить к нему, словно забытое знание, в которое он не осмеливался поверить, пока обстоятельства практически силой не заставили его использовать их. И сила этих древних механизмов пугала и завораживала сталкера.

Следующий охотник. Чуть ниже остальных. Потому что имел небольшой горб на спине и словно сутулился сильнее, чем его сородичи. Тот сам нашел взглядом сталкера и долго не отпускал его, шумно дыша и беспрестанно шевеля щупальцами. В красных угольках глаз не было ни злобы, ни агрессии.

– Посмотрим, – сказал сам себе Егор, тут же подкинув наугад картинку движущегося на кровососа танка времен Второй мировой. Бобр тщательно воспроизвел звук гремящих гусениц, рев двигателя и запах горящего дизеля и тяжелого металлического запаха и себя на фоне этого танка, так же бессмысленно стрелявшего в железное наваждение.

Кровосос вздрогнул, дыхание его стало громче, щупальца завращались быстрее, словно несколько рук, быстро моющих друг друга в мыльной воде. Картинка, идущая от кровососа, поменялась. Безусловно, мутант понятия не имел, что такое танк и как с ним себя вести, тем не менее в воображаемом диалоге человека и порождения Зоны он выпрыгнул перед машиной и, раскинув руки и ноги в стороны, громко, изо всех сил заревел на железного зверя. Егор теперь видел его со спины и чуть заметную горбинку между лопаток. «Молодец, – восхитился Егор, – ты будешь... Горбатый».

– Горбатый, – громко сказал он и ударил прутиком по плечу мутанта.

Тот замерцал разной степенью прозрачности, играя режимом стелз. На четвертого кровососа Бобр времени тратить не стал. Мельком глянув на него, он сам отвел взгляд, не оставляя мутанту шанса на экзамен. «Теперь топтыги, – вспоминая, как Лесник называл этих тяжело-весов Зоны. – Самый здоровый, ишь какой, до морды то и не дотянешься», – сказал он, глядя на самого большого из них, теперь уже казавшегося синим, а не темно-зеленым псевдогиганта. Подойдя на приемлемое до мутанта расстояние, Бобр заглянул ему в глаза, но тут возникли сложности. Во-первых, смотреть снизу вверх на такую тушу было очень неудобно, а во-вторых, мутные глаза-блюдца мутанта смотрели то ли на человека, то ли сквозь него, понять было невозможно. Озадаченно пожав плечами, сталкер перешел к среднему. Тот уже с большим интересом интересовался событиями, но через пару секунд игры в гляделки он неожиданно нежно для такой туши курлыкнул и начал вяло ковырять своими лапами лежавшие под ногами поваленные стволы, словно пытаясь их перевернуть. Егор перешел к третьему – тот был почти такой же, как и предыдущий, только более серого, ближе к землистому, цвета. Псевдогигант с интересом, по-птичьему тарасился на Егора. Сталкер улыбнулся. Неожиданно псевдогигант развеселил его, напомнив своим взглядом учительницу по истории Зою Харитоновну, которая точно так же смотрела сверху вниз на маленького Егорку Казмаутова через большие очки в роговой оправе. Точно такой же птичий, настороженный взгляд, ожидавший, когда первые буквы заданного урока начнут появляться на губах у школяра.

– Харитон, – громко сказал Бобр, хлопнув по груди гиганта прутиком. – Все, – отрапортовал он Леснику, радостно улыбаясь и чувствуя наваливавшуюся на него незнакомую усталость.

– Немного, – озадаченно резюмировал Лесник, – ну да ладно, тебе виднее. Сейчас усталость на тебя придет с непривычки, на, хлебни.

Он подал сталкеру фляжку с фирменным чаем заваренной встань-травы.

Напиток словно склеил сталкера заново – несколько частичек самого сталкера, незаметно оставленных в сознания разных мутантов, вернулось к нему, а частички сознания мутантов, задержавшиеся, как оказалось, в голове, вдруг покинули сознание человека.

– Ну все, до дому отдых, завтра с утра подучишь их и поведешь с Мелким знакомить, а там уже сам знаешь, что делать, – нахмурившись, сказал Лесник, вспоминая о грядущем.

– Долг зовет, – схохмил сталкер.

– Зовет, зовет, еще как зовет, – приняв шутку, улыбнулся дед. – Айда.

Пес, все это время мирно лежавший возле дробовика сталкера, встал, отряхнулся и потрусил на выход из полянки. Лесник и Бобр отправились следом. Два кровососа на приличном расстоянии бесшумно двинулись параллельным курсом. Харитон, немного замешкавшись и проводив взглядом уходивших от него двух других псевдогигантов, двинулся следом за людьми, несколько раз поскользнувшись на неустойчивых для его трехтонного веса бревнах.

На следующее утро, вскочив ни свет ни заря, Бобр поспешил во двор. Лесник тоже только что встал и начинал одеваться.

– Привет, дед, – бодро поздоровался Егор.

– Не спеши, сталкер. Вместе выйдем, – не обратив внимания на церемонии, ответил Лесник. – Или иди чайку согрей да на стол накрой, у меня там в погребке продукты, а я пойду двор проверю, как там наши ребята.

Бобр, несмотря на все свое рвение проверить, на месте ли его мутанты, проявил терпение и занялся завтраком, изредка кидая взгляды через узкое окошко избы. Наконец чай вскипел, сало нарезано, мелкая картошка брошена в воду, и сталкер вышел во двор. Лесник на корточках сидел перед двумя кровососами, а оба кровососа на корточках сидели перед Лесником, даже Харитон присел по-куриному на землю и хлопал глупыми глазами, глядя на Лесника. Завидев сталкера, Лесник поднялся.

– Вот, учу твоих сорванцов команды выполнять, – доставая из внутреннего кармана фуфайки никелированный портсигар с самокрутками, сказал он.

Постучав торцом самокрутки о портсигар, он засунул ее в рот.

– Как учу, тебе понятно?

Бобр смекнул, что, наверное, нужно показывать на собственном примере, что делать, и подкреплять это словом.

– Я попробую? – спросил он Лесника.

Лесник, затянувшись и выпустив облако дыма, кивнул. Сталкер, глядя на сидевших на Земле чудовищ, вдруг ощутил известную робость. Комбинезон «Сева», который он уже воспринимал как свою вторую кожу, он оставил в избе и, оказавшись в одном нижнем белье и незашнурованных берцах, всей кожей ощутил утренний холодок. Однако в том, что он был не защищен, имелись и свои преимущества. Сейчас, не имея экранирования от активности аномальной энергии, пронизывавшей все пространство Зоны, он лучше ощущал ее вибрации, передаваемые всему телу и давление невидимых тел от самих мутантов. Закрыв глаза, как он делал это ранее, сталкер приподнял свой взгляд на пару метров над собой: фигуры мутантов медленно проявились в виде сгустков света, испускавших иглы лучей. «Горбатый, Смелый, Харитон...» – обозначал мысленно проявляющиеся световые пятна Бобр. – «О! Старый?»

Сталкер открыл глаза и посмотрел в то место, где он видел кровососа Лесника. Подняв с земли камешек, он кинул его в сторону подозреваемого местонахождения мутанта. Камушек, пролетев положенные несколько метров, ударился о ничто и упал на землю. Из воздуха возникли два уголька глаз. Недовольно вздохнув, мутант прошлепал в сарай.

– Молодец, – похвалил Лесник. – Скоро научишься, не закрывая глаз, видеть сразу и тело, и оболочку. Дальше давай.

Бобр кивнул. Снова закрыв глаза, он увидел тонкие нити красного цвета от кровососов и оранжевую от псевдогиганта, шедшую к нему и прикреплявшуюся в районе груди. Бобр выделил три нити от себя: они оказались синего цвета с фиолетовым кратковременно вспыхивавшим отливом и прикрепил их к мутантам. «Встать», – скомандовал Егор и напряг ноги, вставая. Кровососы зашевелились и встали, Харитон глухо заворчал и повиновался. «Сесть», – скомандовал сталкер и присел, мутанты также повиновались. «Лечь», – еще раз скомандовал сталкер и начал ложиться, тщательно ощущая, какие мышцы работают у него при принятии положения лежа, и передавая ощущения мутантам. Кровососы, сделав непривычное для себя движение, легли на живот, так же положив одну левую руку, согнутую в локте, перед собой, а правую – чуть в сторону и назад, словно собирались ползти. Псевдогигант, замешкавшись, решил повторить движения, но его туша, хрустнув скелетом и бульканьем внутренних органов, только ткнулась животом в землю, не давая мутанту залечь. «Ну как же, это же другая конструкция», – понял Егор, отменил задание и открыл глаза. После чего встал, отряхнулся и подошел к Леснику.

– Так? – довольно спросил он.

– Годится. Вижу, понимаешь. Остальному научишь так же. Помни, – внимательно глядя на сталкера, сказал лесник, – мутанты – дети Зоны, ее глаза и уши, ее руки и язык, и ты сам ее часть. Человеческими мерками не меряй и вниманием не обделяй. Уяснил? Это мой последний совет. Пошли завтракать, сталкер, времени нет.

Завтракали молча, сталкер думал о своем: ему все казалось, что местные псевдогиганты стали значительно больше их собратьев из других частей Зоны, так сказать, некультивированных, а о синих псевдогигантах он и не слышал. Даже Лесник удивился, увидев такого монстра в своем лесу. Позавтракав, Бобр собрался выступать. Как он будет уничтожать Долг, у него не было ни малейшего представления. Но внутренняя уверенность в том, что то, что он делает, правильно, крепла. Он ощущал себя частью таинственного и правильного механизма, возможно, еще не понявшего свое предназначение, но уже имеющего представление о своих функциях, в сравнении с которыми то, чем он мог бы заниматься на Большой Земле, казалось смехотворным. Закинув за спину рюкзак и крепко обняв Лесника, Егор отправился в путь, за ним на удалении двигались два кровососа, и огромная природная машина для разрушений топоча и с треском проломилась через открытую калитку плетня. «Надо будет научить его не топтать», – подумал сталкер, заходя под тень Рыжего Леса.

4. Пещера разбойников

Дорогу на выход он знал прекрасно. Где-то там среди камней и пучков серой, но живой травы пустоши его ждал Мелкий. Через пару часов он вышел к окраине леса, еще несколько минут, и вдалеке показалась прыгающая фигура приближавшегося снорка. Сталкер скорее почувствовал ее вначале, а потом отыскал глазами. Приблизившись на десяток метров, Мелкий застыл, разглядывая контуры кровососов и псевдогиганта, тупо выставившегося в спину человеку.

– Знакомься, Мелкий, это Смелый, Горбатый и Харитон. Они теперь будут с нами.

Мысленно собрав их всех в кучу и сделав что-то вроде снимка семейной фотографии, он разослал их каждому мутанту, с удовлетворением замечая, что делать это становится все легче и легче.

– Ну что, Мелкий, покажешь, где схрон? – Бобр мысленно показал ему картинку его поделщиков, бутылки казаков, патроны, койки.

Радостно заухав, снорк пришел в движение и, часто оглядываясь, поскакал на запад, указывая направление. «Вот и славно, – облегченно подумал Бобр, – за мной». Шагая по неуютным просторам пустынных земель, сталкер, однако, постоянно крутил головой и часто пользовался верхним зрением, несмотря на то, что эти земли были практически необитаемы и бесплодны для искавших постоянной наживы людей. Несколько раз он замечал сбившихся в кучу слепых псов, тревожно нюхавших воздух и провожавших их группу слепыми мордами, одиноких бродящих в поисках падали необычайно крупных плотей, и мелькнувшую кучку кабанов где-то на грани восприятия, которые спускались в овраг напиться из мутной радиоактивной лужи. Но чаще всего он наблюдал серые быстро исчезающие в траве и мелькавшие в виде красноватых пятен в подземных норах тушканов – это была их империя. Робкие и незаметные днем, они превращались во все пожирающих и непобедимых альфа-хищников на этой территории, которую со сгущением сумерек освобождали от своего присутствия все остальные мутанты, и только застигнутые в этих местах ночью люди находили здесь последнее пристанище. Небольшие кустистые аномалии, стоявшие то поодиночке, то небольшими группами, он обходил, засекая их и зону их срабатывания другим, не верхним, а альтернативным зрением. Так же легко и играючи он наблюдал в них слепые пятна, находившиеся в зоне их покрытия, но не доступные для их воздействия. Постепенно все три вида зрения – человеческое глазами, альтернативное, позволяющее разглядеть невидимые ранее явления, и верхнее зрение, которое позволяло сталкеру выбирать точку обзора над ним самим, соединялись. «А ведь я дома! – внезапно пришла к нему в голову мысль, – может, ну его в сторону, комбинезон-то?», – подумал сталкер, чувствуя легкость в груди и желание вновь почувствовать живительные вибрации Монолита, но понимание того, что теперь его враг не Зона, а люди, заставило его удержаться от этого порыва. Тем временем Мелкий привел их к присыпанному землей квадратному металлическому люку. Раскидав присыпавший его грунт, он вцепился своими измененными крючковатыми пальцами в толстую цепь от какого-то подъемного механизма, на которой висел амбарный замок, сначала несильно, но, постепенно приходя в неистовство, он начал рвать ее из приваренных к люку и раме скоб.

– Постой, Мелкий, вижу. Отойди, – сказал сталкер. – Харитон, на.

С этими словами он позвал псевдогиганта и приподнял цепь, показывая тому, что нужно сделать.

Топтыга подошел к люку и аккуратно взял ее четырехпалой куриной лапой. Покрутив глазами, Харитон слегка дернул цепь, но, видимо, недостаточно крепко ее схватил, и она выскочила из его лапы, грохотнув по железу. Подав цепь еще раз, Бобр предусмотрительно отошел на несколько метров назад. Курлыкнув и пожатв лапой, проверяя на ощупь предмет, зажатый

в лапе, на что цепь отозвалась металлическим скрежетом, Харитон дернул сильнее. Люк отозвался глухим стоном. Недоуменно покрутив малоподвижным туловищем, разглядывая люк, псевдогигант судорожно и неоднократно, раз за разом наращивая усилие, дергал зажатой цепью на себя. Раздался щелчок и приваренная к люку скоба, сорвав сварочный шов, с одной стороны разогнулась.

– Так тоже можно. Отпускай, – дал команду Бобр.

Освободив люк от цепи через надорванную скобу, Бобр открыл бандитский схрон. Черный зев бетонного, вертикально уходившего вниз лаза с приставленной к одной из сторон металлической лестницей, застарелый, наверное, неистребимый запах перегара вырвался наружу.

– Славно же вы тут куролесили, – усмехнулся сталкер. – Веди, Мелкий.

Снорк в ту же секунду прыгнул вниз, не пользуясь лестницей. «Ишь ты, помнит, видать», – мелькнуло в голове Егора, и он, схватившись за первые ступеньки, начал осторожный спуск. Оказавшись внизу в гулком помещении, в котором, судя по эху, было достаточно просторно, он, к своему удивлению, не смог разглядеть ничего. Рукотворные стены и вещи схрона не давали той картины, которую дают ему предметы и объекты, созданные или засвеченные во время Выброса Зоной. Надев налобный фонарь, сталкер обнаружил комнату шириной около пяти и длиной около десяти метров со стандартным по высоте потолком, несколько двухъярусных кроватей, тумбочки возле каждой и стол, заваленный бутылками и уже испорченными открытыми консервами. Втянув воздух, Бобр не обнаружил никаких следов присутствия крыс. «Наверное, сплошной бетон, – подумал он, – капитальное строение, еще военка строила, значит, должен быть свет». Пошарив лучом фонаря по стенам, Бобр нашел и выключатель. Нажав, он услышал торопливое тренькание стартеров ламп дневного света, и через секунду все помещение осветилось.

– Да, умеете устроиться... – обратился он к снорку.

Тот радостно закачался на четырех конечностях, поблескивая стеклами противогаса.

Пройдя чуть дальше и выделив шхонку бригадира, по всем зонамским правилам занимавшую дальний правый угол на нижнем ярусе и отделенную шторкой от остальной комнаты, сталкер прошел дальше. В конце комнаты имелось еще две двери: одна была, по-видимому, заперта с той стороны, а другая имела вид часто открываемой и имела обычный висячий замок снаружи. Немного думая, сталкер вскинул дробовик, отстрелил этот замок и открыл дверь. То, что он увидел внутри, превосходило все его ожидания.

Для Бобра, оставшегося без координат всех своих тайников и, вероятно, уже записанного в двухсотые, не имевшего возможности производить обмен или как-то еще обеспечивать себя всем необходимым, это было сродни пещере сорока разбойников со всеми богатствами из сказки. Здесь в большой комнате, так же освещенной лампами дневного света, на стеллажах лежало несколько десятков единиц сваленного в кучу оружия, начиная от простого калаша и заканчивая гранатометно-стрелковыми комплексами. Отдельно на специальных подставках покоились две красавицы СВД. Несколько ящиков с перемешанными в кучу боеприпасами для оружия, которые он сам не смог вытащить из-под стеллажей, но это сделал вместо него без особых трудов снорк; ящик с научными контейнерами для артефактов, зеленые огоньки которых говорили о том, что внутри что-то все еще лежит; еще один ящик с синими, желтыми и красными аптечками, куча консервов разного вида, сухих пайков и несколько канистр питьевой воды. Отдельно висели несколько почти не порченных научных комбинезонов СПП-99 и броня Долга, чуть дальше – обычные и не столь броские комбинезоны вольных сталкеров. Впечатленный состоянием и размахом действия бандитской группировки он сел на один из ящиков. Действительно, группировка, властвовавшая здесь, умела стрелять и прятаться. Причем и пострелять они могли в кого угодно, а судя по тому, сколько было нажито, прятаться они умели ничуть не хуже. Но времени на раздумывание не было: внутреннее ощущение тревоги

не отпускало сталкера, нужно было готовиться. Оставив дробовик, сталкер покрутился между трофеями, и, поняв что-то, что ему может пригодиться в избытке, ему пришла в голову мысль.

– Ну-ка, Мелкий, пойдя сюда.

Снорк послушно подполз к сталкеру.

– Давай-ка я тебе рюкзачок сооружу, а то ты свой потерял.

И, не откладывая дело в долгий ящик, Бобр взял один из рюкзаков камуфляжной расцветки и нагрузил его припасами. В первую очередь несколько фляг с водой, затем консервы. Сначала он хотел взять саморазогревающиеся консервы, но затем, решив, что место надо экономить, он взял простые мясные и каши, также кинул туда упаковку мультивитаминов, несколько желтых аптечек (наверное, с невинно убиенных научных сотрудников), пинцет, больше похожий на щипцы, налобный фонарь, несколько батареек к нему, итого всего килограмм восемь. Пару консервных банок он открыл и подал Мелкому, тот, отвернувшись, начал есть, доставая грязными пальцами еду и жадно засовывая ее себе в рот. «Так-с, теперь проверим оружие». Взяв с подставки одну из снайперских винтовок, Бобр проверил магазин и направился к выходу. Вылезая из ямы, он подумал, что его бойцам тоже не мешало бы перекусить, но что им дать? Ответ появился сам собой: невдалеке, метрах в трехстах, высоко поднимая ноги, псевдоплоть добивала зазевавшегося тушкана. «Заодно и винтовку проверю», – решил Егор. Приняв лежачую позицию, он прицелился в центр силуэта. Прекрасная оптика при настройке давала отчетливое изображение грязного бока создания. Памятуя, что для устрашающего вида питомцам нужна живая добыча, а не мертвая, сталкер, взяв поправку на ветер и расстояние, выстрелил в заднюю часть туши. Винтовка оказалась прекрасно пристрелянной. Кровососы, негромко рыкнув, сорвались с места, растворившись в воздухе. «Мясо – Харитону», – напоследок скомандовал он, видя, что псевдогигант забеспокоился. «Ничего, Харитон, скоро покушаешь всласть», – обратился к нему сталкер, имея в виду уже совсем другую добычу, и вернулся в схрон. Мелкий тем временем опустошил обе банки и, сгорбившись, сидя задницей на полу и неудобно вытянув ноги, щупал пальцами верхнюю беззубую десну. Противогаз, зацепившийся нижней частью за нос, казалось, совершенно не смущал его. Зона медленно, но верно адаптировала бывшего бандита, постепенно превращая его в нечто, и теперь, вернувшись буквально несколько минут спустя, Бобр уже по-другому смотрел на снорка. «Интересно, как долго он может прожить, если его не подстрелят?» – отстраненно подумал Бобр. Признаться, новое хозяйство здорово отягощало Егора: он сам одиночка по натуре, не привыкший беспокоиться о ком-либо, кроме себя, с неохотой отвлекался на все эти дергания. Кроме того, постоянное ведение контроля над мутантами вкупе с обратной, идущей от них связью и двумя дополнительными видами мира здорово нагружало его мозг, и он ожидал, когда это все войдет в автоматический режим и сопоставлять потоки информации можно будет без потери своей активности.

Тем не менее, несмотря на спокойную обстановку, сталкер ясно чувствовал, что время поджимает и действовать нужно немедленно. Он опрокинул ящик с патронами. Среди кучи всякого он нашел несколько десятков бронебойных патронов к СВД и выдернул обойму из другой оставшейся нетронутой им винтовки. Затем подошел к ящику, в котором лежало с десятком контейнеров для артефактов. Открыв их все, он нашел то, что искал, «золотую рыбку» для Мелкого и «мамины бусы». Облегчающий вес артефакт «золотая рыбка» он привесил к поясу снорка, поскольку Мелкий будет таскать большую часть груза, он должен быть быстрым и маневренным, а с лишними килограммами за плечами он становился легкой добычей для стрелков. «Мамины бусы» Бобр приберег на всякий случай, действуя, наверное, больше человеческой логикой и разумом, нежели внутренним чутьем. Обойдя по кругу весь склад, отстраненно разглядывая в хаотичном порядке лежавший инвентарь, сталкер заметил рулон темно-коричневого пластика, лежавшего среди разобранных научных приборов, самописцев и про-

чего награбленного и демонтированного хлама. Дернув за уголок, он привел весь на удивление легкий рулон в движение, тот упал на пол и развернулся.

– Ух ты! – вырвалось у Егора, обнаружившего целый рулон экранирующей инфракрасное излучение пленки.

На внутренней части рулона проявились водяные знаки made in USA. Несколько десятков квадратных метров удивительно прочного, мягкого и бесшумного пластика для сталкера теперь было сродни гардеробу с шапками – невидимками на выбор. Если с кровососами, снарком да и самим собой ему было все понятно, то есть он имел представление, как и куда прятаться, то что делать с псевдогигантом выросшим в черной клетке Рыжего Леса, а по сему имевшего крайне значительные размеры он не представлял до последнего момента, и именно эта мысль подспудно не давала ему покоя.

– Ну вот, теперь Харитонке, будет куда спрятаться! – с облегчением осведомил он Мелкого, который теперь крутился на полу, пытаясь через плечо разглядеть надетый на него рюкзак.

Отыскав вездесущий скотч, который – слава китайской промышленности – можно было найти и в этом схроне, сталкер скомандовал на выход. Снарк бросил свое занятие и удлинившимися прыжками двинул в сторону люка. Амплитуда его скачков поменялась в большую сторону, и было видно, что ему это еще не привычно. «Золотая рыбка» делала свое дело. Выбравшись на поверхность, он обнаружил дожевывавшего плоть псевдогиганта, остатки которой он прижал одной лапой к земле. Два кровососа слонялись поодаль, видимо, в их натуре не было понимания неподвижного отдыха. Заставив Харитона сесть, он принялся обматывать псевдогиганта термопленкой, но огромный мутант испытывал какой-то панический страх перед прикладываемым к его коже искусственным материалом и поминутно вскакивал, срывая материал.

– Да что ты будешь делать, Харитон замри, – командовал Бобр, но мутант упрямо отказывался обматываться чужеродным материалом.

Еще несколько раз приказав зверюге замереть, сталкер понял, что его опыта недостаточно, чтобы договориться с псевдогигантом.

Вздыхнув, сталкер уставился в круглые бездумные глаза мутанта, прикидывая, что бы предпринять. Неожиданно ему в голову пришла интересная мысль. Хлопнув себя по карманам, он достал плитку шоколада. Содрав бумажку и пошелестев серебристой фольгой, он провел плиткой возле ноздрей псевдогиганта, наблюдая за реакцией. Реакция у цыпленка проявилась однозначной заинтересованностью, глаза расширились, раздалось мягкое для такого чудовища курлыкание, из открывавшегося рта высунулся темно-красный язык и зашарил в воздухе в поисках издающего необычный запах явно питательного предмета. Бобр закинул шоколад в открытую пасть гиганта, вооруженную тупыми зубами спереди для растительности и необычайно белыми треугольными зубами сзади, явно предназначенными для разгрызания чего-то очень твердого, корней и костей. Шоколад упал на язык и соскользнул в сторону, мгновенно растворяясь в жаркой пасти мутанта, из которой доносились не самые приятные запахи пережеванной плоти. Харитон закрыл пасть и прислушался к своим ощущениям, скосив глаза в сторону. Через секунду он громогласно заревел и затопал одной ногой по земле, взбивая пыль. Эта трехтонная туша затребовала добавки. Слегка растерявшись от такой бурной реакции мутанта, сталкер с трудом угомонил мутанта, и теперь он требовательно приказал мутанту замереть и пообещал шоколад, показав картинку вручения шоколада после оборачивания пластиком. Развернув термопленку, Егор наконец начал процесс наворачивания пластика на Харитона, в процессе несколько раз подкидывая маленькие кусочки шоколада в бездонную пасть чудовища, подсчитывая про себя, на сколько нужно будет увеличить свой запас шоколада в связи с соседством новообразованного сладкоежки.

В конце концов обертывание было закончено, и псевдогигант превратился в невиданное доселе зрелище, невероятно раздутого ниндзя из Зоны. Картину можно было бы назвать коми-

ческой, если бы не устрашающее содержание этой нелепой фигуры. Два круглых светло-серых глаза, огромный рот, прорези для ноздрей остались неприкрытыми, остальное было плотно замотано темно-коричневым пластиком и скреплено скотчем. За температурный режим псевдогиганта Егор не переживал – что-то подсказывало ему, что незначительное повышение температуры не будет особо беспокоить мутанта. Налюбовавшись результатами своей работы и дождавшись, пока Мелкий соберет весь шоколад, который он найдет в схроне, отряд двинулся в сторону ближайшего блокпоста Долга. В обычном «человеческом» режиме дорога заняла бы несколько дней, но теперь скорость хождения по Зоне увеличилась многократно. Места он старался выбирать нехоженые, глухие, по возможности отравленные радиацией, химией и пси-полями. Тут его комбинезон давал достаточное укрытие хрупкому человеческому организму, а мутантам это был родной дом.

Минуя жидкий, болезненный лесок, в котором находилось всего несколько мелких аномалий, Бобр с удивлением обнаружил тела на глубине метра под землей, которые в одном из его новых зрений виднелись как светящиеся продолговатые пятна. Задержавшись, он попытался понять, что бы это значило. Девять тел, лежавших по три штуки в три ряда без признаков ментальной активности, никаких пустот, коммуникации или признаков кладбища он не обнаружил, кроме соединяющей все тела корневой системы дерева-кукловода, стоявшего поодаль. Кто бывал в средней Зоне, тот знает, что такое дерево-кукловод, а между тем тела явно определялись, как человеческие и мужские, не защищенные никакими искусственными покрытиями. Неопределенно пожав плечами, сталкер выкинул это из головы: мало ли какие у Зоны планы. Впрочем, настоящих людей, изредка появлявшихся одиноких сталкеров Бобр засекал издали. Ближе к Свалке, проходя Дикие Территории, места пошли более знакомые и обитаемые. Здесь он шел с большей осторожностью, значительно снизив скорость, часто пряча псевдогиганта и заставляя подолгу отстаиваться его в кустах, оврагах и других укрытиях. Так он сделал для себя вывод: его время – ночь, он больше не принадлежал к миру людей, и теперь он все более и более понимал опасность со стороны человека, вооруженного нарезным оружием и хорошей оптикой. Тем не менее время шло, и первый план сопротивления во имя Зоны, чью сторону он принял, созрел у него в голове. «Действовать будем утром, – решил сталкер, – а ночью успеем как следует подготовиться».

5. Дерзость

Для первого боя Бобр выбрал место недалеко от блокпоста Долг. Это был их первый блокпост на подходе к основной базе на Ростке. Сталкер выбрал позицию на крыше огромной, выкрашенной серебрянкой нефтяной емкости. Пара таких емкостей возвышалась недалеко от недостроенного и порушенного строения среди привыкшей к слабокислотным дождям и упрямо отстаивавшей свое право на жизнь зеленой травы. Даже странно, что эта емкость не использовалась для засад ранее. Конечно, наверное, ни у кого из обычных сталкеров нет своего снарка, который мог бы допрыгнуть до остатков обломанной на середине лестницы и привязать веревку для человека, стоявшего внизу, но тем не менее можно было использовать кошки или еще что-то. Время и нездоровые дожди разукрасили железный цилиндр ржавыми потеками, но тем не менее советская серебрянка прочно зацепилась за пористый металл и теперь медленно, с крайней неохотой год за годом отдавала свои законные владения.

Несмотря на всю очевидность стратегической значимости, а значит, особого внимания к этой емкости патруля, долговцы – признанные короли на этой территории – не будут ожидать покушения на себя. Единственные, кто мог бы устроить им засаду, – Свобода, но только не здесь, только не на Свалке.

Приклад СВД Егора уперся в плечо, цевье приняло правильное положение в левой ладони, приклад с заусенкой ненавязчиво царапнул щеку. «Любить – так любить, стрелять – так стрелять», – вспомнились сталкеру слова из песни. Выкинув из-под локтя мешавший камешек, Бобр удостоверился, что теперь ничего не мешает. В конце концов, комфорт – это очень важное дело, и если ты взял в руки оружие тонкой работы, то и самому негоже вести себя как медведь. Посмотрев в оптический прицел, он проверил привязанную им белую ленточку возле дороги. Ветер слабо дул с юга. До дороги было чуть больше шестисот метров. Шестисот метров, поросшие нечастыми аномалиями, мелким кустарником и пучками зеленой, а не серой, как в пустых землях, травы. По такой трассе средней степени сложности долговцы не смогут бежать к нему, кроме того, факт присутствия СВД на высоте будет их сдерживать от длительных забегов. Но это вначале, как только они минуют отметку в триста метров, в ход пойдут подствольники, и тут уже гладкая поверхность цилиндрической емкости, на которой он залег, обеспечит стрелка всеми удовольствиями от разрыва гранаты, поэтому сваливать с бочки нужно будет практически сразу, не задерживаясь, но это будет нескоро, а пока... Пока емкость представляла собой идеальное место для ведения снайперского огня. Псевдогигант, обернутый термопленкой, скрепленной скотчем, этакий чудовищный ниндзя, сидел в пятидесяти метрах от асфальтированной дороги в выкопанной им яме как огромный цыпленок, не хватало только более подходящего длинного клюва и шеи. Харитон глядел огромными бестолковыми глазами на четырехугольный знак автобусной остановки, воткнутый в паре метров от него в землю, который закрывал его от дороги, то есть делал то, что ему и было предписано. Вчера вечером Бобр объяснил ему его задачу. Задача псевдогиганта была сидеть тихо и спокойно до утра, пока железка, на которую он смотрит, не упадет, и после этого он должен будет, не теряя времени, в первую очередь перевернуть и раздавить двух больших жуков, которые окажутся недалеко от него на дороге. После этого, если его никто не будет сильно кусать издалека, бежать в показанное место в сторону Темной Долины, там, где сильно дует, но не ветер. Потом придет Бобр и заберет его оттуда. Так Бобр объяснил топтыге его функции. Он несколько раз мысленно показывал ему картинки знака и как будет падать знак, представлял сам и передавал картинки того, как будут выглядеть жуки, и говорил, что делать, когда люди выйдут из жуков и побегут мимо Харитона. Несколько раз Бобр пытался подобрать понятное для псевдогиганта ощущение радиации, пока наконец не получил от него отклик, что радиация щекочет кожу и кости, но не как ветер. Прокрутив картинки и свое желание, чтобы мутант

сделал именно так, как хочет этого Бобр, и добившись таких же картинок от него, которые указывали, что по крайней мере последовательность действий он запомнил, Бобр под покровом сгущавшейся темноты отвел его к дороге и указал место между кустов, где и должен был окопаться псевдогигант.

В вечернее время на Свалке было, наверное, так же свободно от сталкеров, как и ночью. К вечеру это место достаточно людное, днем пустеет, и редкий сталкер рискнет попробовать добежать в сумерках до поста должовцев. Более того, мутанты, распуганные днем более плотным количеством огрызающихся огнем людей, да еще и патрулями долга, чьи нашивки были чем-то вроде трещотки у гремучей змеи, избегали Свалки, но вечером стягивались к ней со всех сторон искать, добирать раненых и убитых двуногих. Свалка с этой стороны была прикормленным местом, и горе тому одиночке, который, увлекшись азартом добычи хабара, задержится здесь до сумерек.

Снизу емкости сталкер оставил сторожить подход к нему двух кровососов – Горбатого и Смелого, он не имел права рисковать собой в вопросе собственной безопасности, равно как и не должен был быть раскрытым и идентифицированным людьми. Он вообще не должен оставлять следов, иначе за ним начнется преждевременная охота. Мелкого он оставил присматривать за Харитоном. Не исключено, что этот не обремененный интеллектом мутант, просидев час или два бездумно в ночи, вдруг встанет и пойдет попасть в ближайшее болото. Поэтому верный снарк будет приглядывать за ним и отгонять возможные раздражители плотей или слепых псов, которые могут спровоцировать Харитона покинуть убежище. Сам сталкер, отведя мутанта на исходную, пригнувшись, рысью вернулся назад. Улегшись в своем нежно любимом комбинезоне «Сева» прямо на обдуваемой всеми ветрами цилиндрической емкости, подстелив под себя остатки термопленки, он приготовился ждать в таком положении в полусне до самого раннего утра, когда должны будут появиться две патрульные машины Долга. Приладив СВД, Бобр, мысленно показав кровососам, как себя вести в случае появления людей, принялся изучать приближавшуюся к ночи обстановку. Через оптический прицел еще удавалось рассмотреть ночную дорогу, игру аномалий на склонах свалки, далекий огонь отряда сталкеров, оставшихся ночевать на открытой местности. Все было спокойно, несколько приземистых четвероногих фигур бесновались на одном из склонов мусора, подбирая трупы людей или мутантов или и тех, и других. Поглядывая на далекий помигивающий огонь, он погрузился в полудрему.

Проснулся он, как и настраивался, когда легкий туман начал опускаться с туч, слабо отличимый от все еще почти ночного неба. Раннее утро, еще не вошедшее в силу и ненавязчиво сталкивавшее стылую ночь с ее переменными дождями, приближалось к окраинам Свалки. Первым делом проверив положение топтыги и убедившись, что он сидит и спит на месте, Бобр успокоился. «Ничего, что спит, главное, что на месте, разбудить его всегда успеется», – подумал он и принялся отыскивать Мелкого. Мелкий бодрствовал. Он достал из пришитого к его одежде подсумка батон хлеба и теперь, отвернувшись от топтыги и от Бобра, ссутулившись, начал его есть. «А ведь кое-что и не изменилось в его манерах, с тех пор как он перестал быть человеком», – усмехнулся про себя сталкер. Два кровососа, покачиваясь, стоя дремали на подходе к емкости, спрятавшись в кустах. Глядя в бинокль, сталкер с трудом разглядел, что на посту Долга начались какие-то движения. «Ага, пост сдал, пост принял, значит, скоро, окончив свой завтрак, появится и патруль. Ну, ждем еще...» Сталкеру стало немного не по себе – теперь все изменится. Единственный выстрел в сторону Долга, и назад дороги не будет, история Зоны начнет писаться в другом русле. Егор никогда не любил стрелять ни в людей, ни в мутантов, но теперь ему придется совершить дерзкое нападение на сам Долг, который, несмотря на всю свою политику «Зона – враг», уже не может существовать без Зоны. Долг стал частью Зоны. Конечно, должовцы никогда не признают, что стали рисунком Зоны, что они со своим стандартным мышлением и предсказуемыми реакциями прочно вошли с экосистему

Зоны для ее нужд. Да и кто бы мог подумать о Долге в таком ключе? Но сейчас для Бобра это стало просто и очевидно. А если группировка стала частью Зоны, то это тот путь, идя по которому бойцы Долга рано или поздно поймут свое место в экосистеме и либо выйдут из Долга, поняв свое вторичное место в этой системе, либо будут слепо служить Зоне и ее правилам. Но пока внедренные в Долг и обученные в полевых условиях Зоны десятки профессионалов с Большой Земли, смешавшиеся с настоящими должговцами, не являются частью этой системы, они непредсказуемы и действительно могут добраться до Монолита и погасить его. Сейчас это самая опасная сила для Зоны, и в таком случае придется остановить весь Долг.

Пролежав за размышлениями и настроившись на действия, сталкер сделал лежачую зарядку, поочередно расслабляя и напрягая мышцы, и теперь окончательно сбросил оцепенение. Стало лучше. Но вот на дороге показались два военных внедорожника с открытым верхом. Харитон встрепенулся и сделал попытку встать. Видимо, он уже сейчас по своему тугодумию собрался переворачивать жуков, но снарок, сидевший в тридцати метрах от него, негромко рыкнув, в несколько прыжков оказался перед ним и вернул своим появлением псевдогиганту память о последовательности показанных ему картинок, после чего Харитон сел на место, уставившись на знак, вкопанный перед ним в землю, а Мелкий большими скачками понесся к Бобру, чтобы не попасться на идентификатор жизненных форм, установленный на машинах. «Интересное зрелище: этот псевдогигант, обернутый термопленкой, похож на праздничное блюдо в фольге», – улыбнулся про себя Бобр, одновременно, несмотря ни на что, чувствуя утренний аппетит. Но вот машины, ровно гудя, проехали мимо запланированных Бобром отметок. Привязанная им тряпочка для определения направления и силы ветра безвольно висела возле земли в легком тумане спускающемся сверху. Для снайпера это, конечно, была помеха, но по крайней мере в машины он точно попадет, а должговцы не сразу заметят его силуэт на вершине емкости. Зона помогала. Бобр задержал дыхание, плавно выбрал слабинку спускового крючка, выбрал переднюю машину вот так посередине капота. Это точно привлечет их внимание. «Едем... едем...» – палец, казалось, превратился в цветочный лепесток – настолько плавно и мягко он доводил механизм снайперской винтовки до того момента, когда проявится ее смертоносная суть. Бум! Грохнул резкий, тугой выстрел и быстро затухающим эхом растворился в тумане. Оптический прицел переместился на следующего «жука». Вторая машина успела затормозить. Колеса, а затем вся морда машины повернулись в сторону сталкера. Бум! Грохнул еще один выстрел. Отверстия от пули не видно, но пуля прошла через радиатор и, вероятно, разбила блок – из-под капота поднялись клубы пара. Долговцы выскочили из машин и залегли. Спустя мгновение короткими перебежками, часто глядя на ПДА, побежали к Егору. Но до сталкера было еще слишком далеко. Дистанцию в шестьсот метров даже по этой чесаной, перечесанной ими территории они пробегут только за несколько минут, Бобр не собирался их ждать. Внизу в возбуждении бесшумно заметались кровососы. Осталось только одно маленькое дело. Выбрав, когда должговцы отдалятся от машин, и заметив, что со стороны поста потек ручеек людей в его же направлении, Бобр прицелился в знак автобусной обстановки и выстрелил. Знак, получив дырку, отлетел на метр. Харитон вскочил, сталкер развернулся и начал спускаться с емкости. Теперь пора двигать в условленное место, где его должен будет ждать Харитон. Туман, как по команде, вдруг упал на землю, снизив видимость до нескольких метров. «Отлично, отлично! А вы как, ребята, думали? Вы воюете с Зоной, а Зона будет воевать с вами». С этими мыслями он скорым шагом двинулся за Мелким, а оба кровососа прикрывали его спину.

Харитон после получения сигнала вскочил на ноги. Два огромных жука стояли перед ним, как и показывал ему его человек: один, тот, что поближе, стоял почти мордой к нему, и в нем сидел человек, говоривший что-то в кулак; второй жук стоял боком, и от него сильно и неприятно пахло незнакомым ароматом. Человек, сидевший в машине, спешно докладывавший обстановку на базу, увидев поднявшегося в десятке метров от него завернутого в тер-

мопленку мутанта, вытаращил глаза и заорал в рацию. Псевдогигант весом в три тонны был не самым крупным из его семейства, ранее обитавшим в черной клетке, но для человека, впервые увидевшего псевдогиганта на таком расстоянии, это было шоком. Мутант в несколько шагов добежал до кричавшего и растерявшегося человека, заставив рессоры выгнуться, запрыгнул на него и на машину, давя и со скрежетом сминая лапами кресла, приборную панель и человека. Почувствовался запах крови. Еще раз прыгнув на машине, Харитон слез с кровоточивших остатков и, подцепив одной ногой джип, перевернул его вверх дном. С той стороны, куда убежали людишки, закричали сначала один, потом несколько голосов. В густом, вдруг обрушившемся, как назло, тумане они не могли четко разглядеть, что же делается за их спинами, но грохот и скрип железа возвещали явно о чем-то из ряда вон выходящем. Мутант, по-птичьи глянув на первого жука, подошел ко второму. Схватив его за прикрученное и торчавшее сзади запасное колесо, он начал поднимать машину, подняв на полтора метра заднюю часть жука. Крепление запаски не выдержало и оторвалось, сорвавшийся джип больно ударил псевдогиганта по ноге. Харитон заревел и от обиды швырнул зажатое в лапе колесо в сторону доносившихся голосов. Раздался сдавленный булькающий вскрик. Послышались выстрелы. В тумане в нескольких местах появились коротко вспыхивавшие огненные цветки, зазвенели и затренькали по металлу пули, люди начинали кусаться издали. Харитон схватил машину, еще раз поднял ее вертикально вверх, при этом она уперлась мордой в землю, и изо всех сил толкнул ногой. Машина со скрежетом проскользила на морде несколько метров и упала на крышу. Все, вторая картинка, которую показывал ему его человек, сбылась. Теперь надо бежать туда, где несколько кустов срослись в один и вокруг полно щекочущего кожу и внутренности ветра. Передние Долговцы, разглядев мутанта, заорали, по связи предупреждая шедших следом. Весь отряд рассыпался веером. Послышались хлопки гранатометов. Первая машина, лежавшая на крыше, взорвалась, брызнув пламенем от попадания, распространяя вокруг себя удушливый черный дым. Термопленка на Харитоне загорелась. Он закричал не столько от боли, сколько от испуга, почувствовав горящий на его спине и правом боку пластик. Подобие удивления и возмущения мелькнуло в птичьем мозгу псевдогиганта, он собрал всю свою силу и мощь в кулак, поднялся всем своим ростом вверх и с силой ударил кулаком по земле, формируя горизонтальную ударную волну. Для этого момента его разработали в лабораториях, для этого его снабдили тучным телом, небывалой мощью и высочайшим болевым порогом, для этого момента возможности телекинеза, внедренные в сознание бюреров и полтергейстов, были внедрены на уровне рефлексов в могучий позвоночный столб мутанта. Обе машины – горевшая и отлетевшая на несколько метров в сторону, подпрыгнули на полметра вверх. Люди, получившие удар от земли по нижним конечностям, получили разрывы сухожилий. Для несколько человек, стоявших на двух ногах ближе всех к эпицентру, удар оказался настолько силен, что их подпрыгнувшие вверх нижние конечности ударили коленями по лицам, ломая носы и выбивая зубы. Выстрелы долговцев, возвращавшихся к своим машинам, смолкли, но со стороны вереницы людей, бежавших от блокпоста к емкости, полетел пока неприцельный рой свинцовых мошек. Они прервали свое движение и направились в сторону разбитого патруля. Псевдогигант громкогласно, победно заревел и, помня наставления его человека, бросился бежать, тяжелым шагом сотрясая утренний туман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.